Ивановско-Вознесенский Губернский Архив Российской Революции Секция № 488

ТЕМЫ ЖИЗНИ

№ 12—13. ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

Библиотека 1917 г. Д. Г. Бурыгина

А. УЛЬЯНОВСКІЙ.

Женщины въ процессѣ 50-ти.

СБОРНИКЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО О. Н. ПОПОВОЙ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., 54

Книгоиздательство и складъ изданій

О. Н. Поповой

Спб., Невскій, 54.

„Темы Жизни“ выходятъ подъ общей редакціей **Л. Клейнборта.**

Изданію будетъ дана самая широкая постановка. Въ него войдутъ листки, брошюры, сборники и пр. Преимущественное вниманіе обращено на оригинальныя произведенія.

Въ ближайшую очередь намѣчены къ выпуску произведенія слѣдующихъ лицъ:

Г. Алексинскаго, В. П. Акимова, Н. П. Ашешова, В. Базарова, В. В. Беренштама П. Берлина, М. В. Бернацкаго, Б. Б. Веселовскаго, Б. А. Витмера, Г. А. Гросмана, І. Гольденберга, А. Е. Ельницкаго, І. А. Давыдова, П. И. Звѣздича, Б. Кричевскаго, Н. И. Коробка, Ю. Каменева, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарскаго, А. Е. Лосицкаго, І. Э. Ларскаго, В. Львова, Л. Клейнборта, П. П. Маслова, П. Нежданова, М. П. Невѣдомскаго, В. Ольховскаго, П. П. Румянцева, В. Ѳ. Тотоміанца, А. Ю. Финна, А. А. Яблоновскаго и мн. др.

Гг. авторовъ просятъ присылать свои рукописи по слѣд. адресу: Книгоиздательство О. Н. Поповой, Спб., Невскій, 54. Редакція ежен. изд. „Темы Жизни“.

Редакторъ принимаетъ по средамъ отъ 1 часу до 3 час.

Выписывающіе изданія О. Н. ПОПОВОЙ изъ склада на сумму не менѣе одного рубля за пересылку не платятъ. Полный каталогъ изданій О. Н. ПОПОВОЙ высылается по требованію безплатно. Земствамъ, школамъ и библіотекамъ уступка.

А. УЛЬЯНОВСКІЙ.

DK37.2
.U452
1- МАЙ 1917
Д. Г. БУРЫДИЦЫ

Женщины въ процессѣ 50-ти

СБОРНИКЪ

Издательство
О. Н. Поповой

1906

С.-Петербургъ
Невскій, 54

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Женщины-„московки“ въ Цюрихѣ 5

Къ характеристикѣ движенія въ періодъ „хожденія въ народъ“. 19

Стихотвореніе Н. А. Некрасова (Посвящается подсудимымъ процесса 50-ти). 26

Софья Илларіоновна Бардина (Біографія, составл. С. М. Кравчинскимъ). 27

Рѣчь С. И. Бардиной 44

М. Д. Субботина и Б. Каминская (Біографическіе очерки).. 51

„Узница“,— стихотвореніе Я. П. Полонскаго. 71

О. С. Любатовичъ и Л. Н. Фигнеръ (Краткія біографическія свѣдѣнія) 73

Семь стихотвореній. 76

Уставъ организаціи. 83

Приговоръ суда по процессу 50-ти. 90

Женщины-„московки“ въ Цюрихѣ.

Въ ряду лицъ, принадлежавшихъ къ московскому обществу соціалистовъ и судившихся по процессу 50-ти, обращаютъ на себя особенное вниманіе 16 дѣвушекъ, почти всѣ очень молодого возраста—отъ 15 до 25 лѣтъ (11 изъ нихъ во время ареста не имѣли по 20 лѣтъ).

Вообще, въ то время процентъ женщинъ, принявшихъ участіе въ революціонномъ движеніи и отдавшихъ свою молодость, жизнь на борьбу за свободу и счастье народа, былъ очень великъ. При первомъ же погромѣ, произведенномъ правительствомъ съ весны 1874 года и выразившемся въ повальныхъ обыскахъ и арестахъ, выяснилось, что пропаганда велась — по офиціальнымъ даннымъ — въ 37 губерніяхъ, при чемъ къ дѣлу привлечено было 770 человѣкъ, изъ нихъ 612 мужчинъ и 158 женщинъ [1]). При этомъ женщины въ движеніи нерѣдко выступали не въ роли простыхъ работницъ, а въ роли иниціаторовъ и руководителей кружковъ.

Вотъ, что о настроеніи «женскихъ элементовъ молодежи» писалъ осенью 1873 года кіевскій корреспондентъ Лавровскаго изданія «Впередъ!», характеризуя въ пессимистическомъ тонѣ настроеніе кіевскаго студенчества: «Женскій элементъ среди молодежи подаетъ несравненно больше надеждъ. Здѣсь замѣтно хоть какое-нибудь стремленіе выйти изъ соннаго и апатическаго состоянія. На улицѣ постоянно встрѣчаешь молодыхъ дѣвушекъ съ книгами и тетрадями подъ мышками, съ озабоченнымъ видомъ спѣшащихъ куда-то. Слышишь постоянно разсказы о томъ или другомъ случаѣ, въ которомъ женщина заявила протестъ противъ рутины или какимъ-нибудь энергическимъ поступкомъ вырвалась изъ подъ опеки, наложенной на нее обществомъ или окружающими... Стремле-

---

[1]) См. „Освободительное движеніе при Александрѣ II“.

ніе къ самостоятельности и знанію имѣло большей частью мотивомъ своимъ экономическую самостоятельность личности, желаніе завоевать и себѣ ту область, изъ которой привилегированный мужчина черпаетъ себѣ источникъ наслажденій. Всѣ ихъ усилія направлялись на расширеніе своихъ правъ на образованіе... Несмотря на распространенную здѣсь худую славу цюрихскихъ студентокъ, которой здѣшнія женщины не придаютъ никакой вѣры, многія изъ нихъ думаютъ о заграничныхъ университетахъ. Другія, надѣясь на добросовѣстность обѣщаній правительства, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ открытія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній; наконецъ, третьи, не имѣя средствъ и потому не мечтая о многомъ, довольствуются тѣми крохами, которыя падаютъ съ университетскихъ каѳедръ въ формѣ различныхъ приготовительныхъ, общеобразовательныхъ, публичныхъ и подобныхъ курсовъ» [1]).

П. А. Лавровъ, говоря о широкомъ распространеніи кружковъ въ началѣ 70-хъ годовъ въ Петербургѣ, замѣчаетъ: «Повидимому, ихъ зародышами были кружки женщинъ. Это было довольно естественно при томъ энергическомъ идейномъ теченіи въ пользу эмансипаціи женщинъ, которое было характеристическою чертою и гуманитарной литературы 40-хъ—60-хъ годовъ, и «нигилизма» 60-хъ. По крайней мѣрѣ, авторъ «Подпольной Россіи» въ главѣ, посвященной С. Л. Перовской, пишетъ, что «кружокъ чайковцевъ, имѣвшій такое важное значеніе въ первый періодъ движенія», развился изъ «зерна», составленнаго сближеніемъ Перовской съ семействомъ сестеръ Корниловыхъ».

Для московскаго общества соціалистовъ такимъ же «зерномъ», «зародышемъ» была группа дѣвушекъ (Бардина, Л. Фигнеръ, двѣ Любатовичъ, три Субботины, Александрова, Каминская и др.), сблизившихся между собой за границей и группировавшихся около С. И. Бардиной — этой «нашей общей тетушки», какъ называетъ ее въ одномъ изъ своихъ писемъ В. Н. Фигнеръ. Эти дѣвушки, встрѣчая своимъ занятіямъ въ русскихъ университетахъ и академіяхъ большія препятствія, собрались къ концу 1871 и въ началѣ 1872 года въ Швейцаріи, въ Цюрихѣ. Сюда ихъ влекла прежде всего жажда знанія, затѣмъ желаніе подышать хоть нѣсколько свободно въ

---

[1]) „Впередъ!“ № 3. 1874 г., отд. II, стр. 244.

республикѣ, на которую не могло распространяться вліяніе растущей въ Россіи реакціи. Въ Россію вѣдь изъ богатой сокровищницы европейской науки и мысли перепадали только крохи, а изъ того широкаго общественнаго и пролетарскаго движенія, которымъ была охвачена въ 1870—1871 гг. Западная Европа и особенно Франція Парижской Коммуны, сюда долетали только слабые отголоски. Въ Россіи не было возможности удовлетворить широкой потребности научнаго и профессіональнаго образованія; условія были неблагопріятны и для подготовки къ будущей общественно-революціонной дѣятельности среди народа. Наоборотъ, условія и обстановка заграничной жизни, какъ нельзя лучше, благопріятствовали и тому, и другому. Естественно, что, когда неопытныя и проникнутыя горячимъ стремленіемъ «служенія обществу и великимъ идеямъ» дѣвушки очутились за границей и непосредственно ознакомились на конгрессахъ и рабочихъ собраніяхъ съ соціалистическимъ движеніемъ, онѣ не могли остаться равнодушными къ этому движенію и горячо принялись за изученіе рабочаго вопроса. За горячими бесѣдами, чтеніемъ и рефератами въ своемъ женскомъ кружкѣ онѣ еще болѣе сошлись между собой; помимо личныхъ симпатій, ихъ сблизили общія жизненныя убѣжденія—всѣ онѣ сдѣлались «пламенными прозелитками соціализма» и уже тамъ, въ Цюрихѣ, начали вырабатывать планъ практическаго примѣненія «революціоннаго соціализма» въ Россіи. Такимъ образомъ, профессіональная научная подготовка шла въ ихъ кружкѣ параллельно съ серьезной теоретической подготовкой къ общественно-революціонной дѣятельности.

Цюрихъ какъ разъ въ это время сдѣлался и главнымъ центромъ заграничнаго политическаго движенія русской молодежи. «Въ концѣ 1872 и въ 1873 году въ Цюрихѣ—разсказываетъ П. Л. Лавровъ—образовалась довольно многочисленная колонія русской учащейся молодежи. Часть города, носящая названіе Оберштрассе, особенно улица Флюнтернъ, сдѣлалась какъ бы русскимъ городомъ. Въ аудиторіяхъ университета и политехникума (преимущественно на медицинскомъ факультетѣ), на улицахъ, на Цюрихскомъ озерѣ слышалась сплошь да рядомъ русская рѣчь. По вечерамъ распѣвали русскія пѣсни. На высотахъ Форстгауза, откуда открывался великолѣпный горизонтъ, окаймленный Сент-Гальскими альпами, каждый вечеръ изъ наборни «Впередъ!» шли съ пѣснями группы моло-

дыхъ наборщицъ. Въ ихъ рядахъ были очень многія изъ тѣхъ, которыя должны были черезъ нѣсколько лѣтъ выступить въ процессѣ 50-ти (Бардина, Л. Фигнеръ, двѣ Любатовичъ, три Субботины, Александрова, Каминская и др.). Онѣ тогда уже образовали все болѣе сплачивающуюся группу...»

«Конечно, это скопленіе молодежи—продолжаетъ П. А. Лавровъ — не могло не представлять въ иныхъ случаяхъ нѣсколько комичныхъ явленій, тогда какъ въ другихъ можно было въ нѣкоторыхъ группахъ разглядѣть уже зародыши будущаго общественнаго героизма. Явленія перваго рода вызывали юмористическія очерки въ умахъ трезвыхъ и долженствовавшихъ въ послѣдующее время оставить рѣзкую черту въ исторіи русскаго движенія.

«Такъ Вѣра Фигнеръ впослѣдствіи писала объ этой эпохѣ, между прочимъ: «Кажется, я не *неглижировала* своимъ образованіемъ; въ Цюрихѣ была даже членомъ особаго ферейна изъ однѣхъ женщинъ, русскихъ студентокъ, цѣлью котораго было тоже научиться логически говорить—потому мужчины и не допускались, какъ конкуренты, которые своимъ краснорѣчіемъ и вѣками накопленной логикой мысли могли препятствовать нашимъ упражненіямъ. И мы упражнялись, увѣряю, добросовѣстно: читали рефераты о самоубійствѣ и о Стенькѣ Разинѣ, о Кабэ и Сенъ-Симонѣ; спорили до хрипоты о теоріи ренты Рикардо, о законѣ народонаселенія Мальтуса, и распустили ферейнъ, только дойдя до вопроса о томъ, должно ли при соціальномъ переустройствѣ разрушить цивилизацію, или можно отнестись къ ней снисходительно и сохранить ее для обновленнаго человѣчества. Этотъ вопросъ такъ глубоко затронулъ страсти, что мы точно бѣлены объѣлись: нѣкоторыя пролили даже кровь—не ужасайтесь: изъ носу отъ волненія, а не отъ удара съ чьей нибудь стороны—спорили, спорили, никакъ не могли перекричать другъ друга, раздѣлились на партіи, объявили, что примиреніе невозможно (о логикѣ и забыли, но, вѣроятно, никто не сомнѣвался, что она на его сторонѣ), и послѣ этого уже не собирались вмѣстѣ. Этотъ ферейнъ былъ потомъ окрещенъ названіемъ «дикій», быть можетъ, благодаря нападкамъ на цивилизацію, быть можетъ, потому, что изъ него были исключены мужчины, что могли находить несообразнымъ съ идеей равноправности, столь присущей XIX вѣку. Я была тогда умѣренной—стояла за цивилизацію, находя довольно жестокимъ заставлять человѣчество вновь завоевывать то, что оно пріоб-

брѣло съ такими жертвами; но другимъ казалось, что въ ней-то и кроется корень «соціальныхъ бѣдствій».

Отрывокъ (сравнительно длинный) изъ другого письма ея о цюрихскомъ періодѣ представляетъ интересную иллюстрацію простыхъ дружески-юмористическихъ отношеній, существовавшихъ между молодыми дѣвушками, изъ которыхъ чуть ли не всѣ должны были чрезъ немногіе годы играть весьма серьезную роль въ русскомъ движеніи.

«Однажды за границей Лидія, я и еще 6-ть студентокъ отправились вонъ изъ Цюриха, чтобы прожить мѣсяцъ—два гдѣ-нибудь въ уединеніи. Мы совершили забавную поѣздку, чему не мало способствовало то, что куда мы ни появлялись, всюду мы производили сенсацію, проявлявшуюся толпой гаменовъ, шествовавшихъ за нами по пятамъ. Такъ мы прибыли пѣшечкомъ въ мѣстечко Лютри, недалеко отъ Невшателя; случай привелъ насъ при поискахъ квартиры въ опустѣвшій по случаю вакацій пансіонъ для дѣвицъ, гдѣ мы за сходную цѣну и поселились. Это было немного смѣшно, потому что намъ отвели двѣ комнаты, гдѣ 8 кроватей составляли настоящій дортуаръ; питали насъ кофеемъ и салатомъ, такъ какъ M-lle Auguste, старая дѣва, стоявшая во главѣ воспитальнаго заведенія, считала, вѣроятно, что для того, чтобы у ея питомицъ духъ былъ бодръ, плоть должна быть немощна, но, какъ намъ извѣстно, молодые люди, если не отличаются дурнымъ аппетитомъ, то отличаются способностью переносить стоически физическія бѣдствія,—и мы переносили, бѣгая тайкомъ въ лавочку за хлѣбомъ, чтобы усмирить желудки, требовавшіе чего-нибудь болѣе положительнаго, чѣмъ различнаго рода и въ различныхъ видахъ салатъ. Также терпѣливо сносили мы и то, что передъ вкушеніемъ онаго салата должны были выслушивать молитву, которую M-lle Auguste произносила съ чувствомъ, закатывая глазки и сложивъ руки подъ ложечкою, символически указывая, что тутъ находится первая станція, куда отправится салатъ. Мы были тогда въ возрастѣ, который характеризуется словами: «духовной жаждою томимъ», и находились въ полномъ разгарѣ изученія рабочаго вопроса въ теоріи и на практикѣ. Поэтому засѣданія Невшательской секціи Интернаціонала имѣли для насъ самую непреодолимую силу притяженія. Изъ этого, можно сказать, вытекало драматическое положеніе: насъ, какъ особъ, имѣющихъ пріютъ въ пансіонѣ—если не благородныхъ, то во всякомъ случаѣ пла-

тящихъ нѣсколько сотъ франковъ въ годъ—дѣвицъ. Въ первый же разъ, когда мы отправились на вечернее собраніе, оставшіяся сдѣлались свидѣтельницами сильныхъ душевныхъ потрясеній. Надо вамъ сказать, что Швейцарія — самая буржуазная страна въ свѣтѣ по отношенію къ почитанію всего условнаго, приличій и формальной внѣшности, кодексъ которой доходитъ до грубо-смѣшного. Въ 9 часовъ, когда мирные обитатели Лютри уже задремали, а наши и не думали возвращаться, въ пансіонѣ обнаружилось безпокойство, которое къ 10-ти перешло въ волненіе, а къ 11-ти въ смятеніе, когда въ зданіи мелькали тѣни и огни, въ воздухѣ пахло нашатырнымъ спиртомъ и гофманскими каплями,—maman M-lle Auguste, завѣдывавшая экономическою частью, металась въ безпокойствѣ изъ комнаты въ комнату, произнося спичи на тему: «что скажетъ княгиня Марья Алексѣевна?», и изображала всѣмъ, имѣющимъ уши слышать, меланхолическую картину погибели репутаціи ея заведенія и провозглашала свое благосостояніе руинированнымъ. А наши пріятельницы, со спокойнымъ духомъ и надеждами на будущее счастье человѣчества, распѣвали себѣ Карманьолу съ M. Guilaume. Къ довершенію всего, ночью собралась гроза, и электричество совершенно уже гальванизировало почтенныхъ матронъ. Наконецъ, наши явились (я оставалась дома) и съ облаковъ попали подъ самыя бурныя объясненія, описывать которыя я не берусь: мое перо, какъ говорятъ всѣ порядочные авторы, отказывается служить. Могу сказать только, что нашей общей тетушкѣ Бардиной пришлось выдержать самую упорную баталію, которая кончилась, однако, съ честью, и въ результатѣ была заключена конвенція, примирившая враждующія партіи до конца оплаченнаго мѣсяца. Но все это я пишу между прочимъ, а главное то, что живя въ количествѣ 8-ми душъ и въ 2-хъ комнатахъ, мы хорошо узнали нравы другъ друга и открыли одинъ феноменъ, проявляемый особой, которую мы по-пріятельски звали «гусаромъ» за храбрость и за черты лица, которымъ кудрявые, по-мужски остриженные волосы и костюмъ, который мы у Лидіи называли одеждой монастырскаго служки, придавали дѣйствительное сходство съ юношей. Вотъ, бывало, по утру спрашиваешь ее: «Гусаръ, который часъ?» Гусаръ смотритъ во всѣ глаза и молчитъ. Еще разъ говоришь: «Гусаръ, который часъ?» Молчитъ. Наконецъ, съ досадой крикнешь еще: «Неужели трудно сказать человѣку, который часъ, когда часы подлѣ васъ?» Тогда, послѣ проме-

жутка чего-то неопредѣленнаго, и которое я могу сравнить только съ тѣмъ, что продѣлываютъ дешевые стѣнные часы сельскихъ школъ и волостныхъ правленій, которые сначала зашипятъ, засвистятъ и только, возбудивъ ваше вниманіе до nec plus ultra, пробьютъ разъ, два... тогда раздается съ оригинальной интонаціей: «Вы знаете, я по утрамъ не говорю». Во-первыхъ, мы не знаемъ, во-вторыхъ, почему это? И почему по утрамъ? Все это осталось неразъясненнымъ и, признаться, забавляло насъ, вызывая взрывы хохота. Хохотала и я... но теперь я поняла, что можно не говорить не только по утрамъ, но и по полднямъ, по вечерамъ и по цѣлымъ днямъ» [1]).

Вотъ эта-то группа дѣвушекъ (за исключеніемъ В. Фигнеръ и «гусара» [2]), дѣятельность которыхъ относилась къ послѣдующему времени)—эта «цюрихская коммуна» или кружокъ «фричей» (какъ ихъ называли—по замѣчанію Лаврова—чуть ли не по имени хозяйки дома, гдѣ жили вмѣстѣ многія изъ нихъ)—и была зародышемъ московскаго общества соціалистовъ; изъ цюрихскихъ наборщицъ «Впередъ!» впослѣдствіи выработались женщины-«московки» процесса 50-ти. Уже изъ этого послѣдняго обстоятельства—работы въ качествѣ наборщицъ во «Впередъ!» [3])—можно заключать подъ какимъ вліяніемъ сложились у «московокъ» тѣ програмные и тактическіе взгляды, которые такъ ярко были впослѣдствіи выражены въ рѣчи Бардиной на судѣ.

Въ Цюрихѣ въ то время изъ-за вліянія среди молодежи соперничали между собой и враждовали двѣ фракціи [4])—бакунистовъ, «бунтарей», и лавристовъ, такъ называемыхъ «подготовителей». Существовавшія тамъ двѣ русскія библіотеки были открыты для сторонниковъ обѣихъ фракцій. Представителями той и другой устраивались рефераты и собесѣдованія по раз-

---

[1]) См. статью Лаврова: „Народники 1873—1878 г.“ въ „Матеріалахъ для исторіи et cetera.

[2]) Мы не могли выяснить, кто подразумѣвается подъ этой кличкой въ письмѣ В. Фигнеръ.

[3]) „Впередъ!“ издавался подъ редакціей Лаврова въ Цюрихѣ. Первый томъ вышелъ въ іюлѣ-августѣ 1873 года. См. передовую статью: „Наша программа“.

[4]) Мы не упоминаемъ здѣсь еще о третьей фракціи, тогда еще малочисленной среди русской молодежи, о направленіи „якобинства“, представителемъ котораго былъ Т. Н. Ткачевъ съ своимъ впослѣдствіи органомъ „Набатъ“. См. Тунъ „Исторія революціоннаго движенія“ и „Наши предшедственники“ 1906. Книгоиздат. „Земля и Воля“

нымъ текущимъ вопросамъ; на эти русскіе рефераты собиралось, по словамъ Лаврова, до 200 слушателей. Здѣсь-то будущія «московки» отчасти и получали теоретическую подготовку къ революціонной дѣятельности.

Въ сущности между этими двумя фракціями по вопросамъ програмнымъ не существовало рѣзкихъ разногласій. Программа «Впередъ!» мало отличалась по своей цѣли отъ программы анархическаго соціализма Бакунина. Лавровъ является въ ней также соціалистомъ-федералистомъ и за идеальный строй признаетъ анархическій. Но между нимъ и современнымъ централизованнымъ легальнымъ государствомъ—будь то конституціонная монархія или даже республика—Лавровъ предполагаетъ цѣлый рядъ формъ, постепенно стремящихся къ развитію федералистическихъ началъ. Онъ считаетъ либеральныхъ конституціоналистовъ враждебными народному дѣлу и не совѣтуетъ вступать съ ними въ союзъ, но считаетъ и для народниковъ необходимымъ помогать осуществленію принциповъ свободы мысли и слова, свободы ассоціацій и расширенія обученія и участія низшихъ классовъ въ управленіи.—Не было существенныхъ разногласій между враждующими фракціями и въ ихъ взглядахъ на крестьянскій вопросъ, на общину—вопросъ для того времени основной. Лавровъ писалъ въ передовой статьѣ «Наша программа»: «Для русскаго принципіальная почва, на которой можетъ развиваться будущность большинства русскаго населнія въ томъ смыслѣ, который указанъ общими задачами нашего времени, есть крестьянство съ общиннымъ землевладѣніемъ; развить нашу общину въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами, сдѣлать изъ мірской сходки основной политическій элементъ русскаго общественнаго строя, поглотить въ общинной собственности частную, дать крестьянину то образованіе и то пониманіе его общественныхъ потребностей, безъ котораго онъ никогда не сумѣетъ воспользоваться своими легальными правами, какъ бы они широки ни были, и никакъ не выйдетъ изъ-подъ эксплоатаціи меньшинства, даже въ случаѣ самаго удачнаго переворота,—вотъ спеціально русскія цѣли, которымъ долженъ содѣйствовать всякій русскій, желающій прогресса отечеству» (Ср. взглядъ Бакунина на общину во II приложеніи къ Туну: «О соціальной демократіи въ Россіи» г. Плеханова).—И та, и другая программа, наконецъ, была проникнута увѣренностью, что возрѣнія «трудового крестьянства» родственны съ идеалами со-

ціализма, и отрицала необходимость непосредственной политической борьбы съ самодержавіемъ. «Вопросъ политическій—говорилось въ статьѣ «Наша программа»—для насъ подчиненъ вопросу соціальному и въ особенности экономическому.. Государства такъ, какъ они существуютъ, враждебны рабочему движенію, и всѣ они должны окончательно разложиться. Но это далекое будущее, это общественный идеалъ, который слѣдуетъ имѣть постоянно въ виду. Всѣ политическія партіи, съ ихъ конституціонными идеалами, болѣе или менѣе либеральнаго свойства, всякая попытка замѣнить централизованную и буржуазную имперію централизованной и буржуазной республикой,—все это намъ враждебно въ своемъ основномъ строѣ и индифферентно для насъ въ своемъ проявленіи».

Существенными пунктами разногласій между бакунистами и лавристами являлись тактическіе вопросы—вопросы о средствахъ осуществленія поставленныхъ цѣлей. «На первое мѣсто—писалъ Лавровъ—мы ставимъ положеніе, что перестройка русскаго общества должна быть совершена не только съ цѣлью народнаго блага, не только для народа, но и посредствомъ народа. Современный русскій дѣятель долженъ, по нашему мнѣнію, оставить устарѣлое мнѣніе, что народу могутъ быть навязаны революціонныя идеи, выработанныя небольшою группой болѣе развитого меньшинства, что соціалисты-революціонеры, свергнувъ удачнымъ порывомъ центральное правительство, могутъ стать на его мѣсто и внести законодательнымъ путемъ новый строй, облагодѣтельствовать имъ неподготовленную массу». Лавровъ желалъ, чтобы народъ сознательно сталъ на сторону новаго строя: «мы не хотимъ новой насильственной власти». По программѣ Лаврова началу народной революціи должна была, такимъ образомъ, предшествовать долгая, трудная подготовка и развитіе самого народа. Искуственныхъ революцій онъ не допускалъ. По его мнѣнію лишь тогда, когда народъ будетъ вполнѣ готовъ и когда ходъ историческихъ событій укажетъ минуту переворота, революціонеры въ *правѣ* призвать народъ. Поэтому, обращаясь къ революціонерамъ, Лавровъ предлагалъ имъ готовиться къ минутѣ переворота умственнымъ развитіемъ, житейскимъ опытомъ, выработкою въ себѣ твердаго характера» и подготовлять къ ней народъ русскій, «уясняя ему его истинныя потребности, его вѣчныя права, его грозныя обязанности, его могучую силу»...

Такимъ образомъ, на первый планъ онъ выставлялъ дѣя-

тельность подготовительную, которая, конечно, должна была растянуться на долгіе годы. Въ этомъ-то существенномъ положеніи Лавровской тактики и заключалось отрицаніе Бакунинской системы народныхъ бунтовъ, объединенія крестьянскихъ протестовъ и приданія имъ стройнаго организованнаго вида.

Сравнивая программу Лаврова съ рѣчью Бардиной и «уставомъ организаціи общества московскихъ соціалистовъ и оцѣнивая ихъ дѣятельность, мы должны признать, что женщины-«московки» процесса 50-ти, какъ и ихъ товарищи, принадлежа къ фракціи «мирныхъ пропагандистовъ», и были скорѣе всего послѣдовательными «лавристами» [1]).

До іюля 1873 года «московки» спокойно продолжали работать въ Цюрихѣ. Но лѣтомъ, передъ выѣздомъ русскаго императора въ Вѣну на выставку, состоялось распоряженіе русскаго правительства, воспрещавшее русскимъ женщинамъ оставаться въ Цюрихѣ далѣе новаго года, при чемъ оказавшимся непослушными грозило запрещеніе держать въ Россіи экзаменъ на доктора и получать дозволеніе заниматься тамъ медицинскою практикою. Распоряженіе «сопровождалось самыми грязными и притомъ совсѣмъ не политическими клеветами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и торжественнымъ обѣщаніемъ открыть для женщинъ высшія учебныя заведенія въ Россіи. Клеветамъ и обѣщаніямъ повѣрила печать и въ Европѣ, и въ Россіи, между тѣмъ какъ, по объявленіямъ людей, знакомыхъ близко

---

[1]) Здѣсь необходимо оговориться. Во-первыхъ, уставъ организаціи включалъ въ программу и прямую, активную революціонную дѣятельность путемъ устройства кружковъ для терроризированія правительства и привилегированныхъ классовъ. Во-вторыхъ, въ одномъ изъ писемъ (отъ 19 іюня 1875 г). участника процесса 50-ти, Здановича, который сообщалъ изъ Москвы въ Иваново-Вознесенскъ неутѣшительныя вѣсти о результатахъ пропаганды, между прочимъ въ заключеніи говорилось: ...„Посылаемъ книги, посылаемъ револьверы съ патронами. Убивайте, стрѣляйте, работайте, бунтуйте“. Эти два обстоятельства заставляютъ думать, что вліяніе П. Лаврова на выработку тактики въ обществѣ московскихъ соціалистовъ не было, повидимому, всеобъемлющимъ; тутъ, очевидно, сказывалось вліяніе системы бакунинскихъ взглядовъ. Во всякомъ случаѣ, фактовъ примѣненія и осуществленія московскими соціалистами этой тактики на дѣлѣ мы не знаемъ, за исключеніемъ протестующаго выстрѣла кн. Циціанова, стрѣлявшаго въ жандармовъ при арестѣ.

съ дѣломъ, начиная съ совѣта цюрихскихъ профессоровъ, клеветы были достойны своего источника, а обѣщанія своего правительство русское не думаетъ исполнять и до сихъ поръ»— какъ писалось въ брошюрѣ, изданной редакціей украинскаго сборника «Громада» [1]), «Дѣтоубійство, совершаемое русскимъ правительствомъ» Ж. 1877 г. [2]). «Мало того,—читаемъ мы тамъ же,—правительство это не сдержала и другого обѣщанія: большая часть и тѣхъ, кто послушались его требованія и оставили Цюрихъ, попали въ списокъ лицъ, которыхъ воспрещено принимать въ какія бы то ни было должности—учительницъ, фельдшерицъ и т. под»...

Прочитавъ въ русскихъ газетахъ упомянутое офиціальное объявленіе, Лавровъ—какъ самъ онъ разсказываетъ—въ первую минуту усумнился, не поведетъ ли энтузіазмъ, волновавшій тогда русскую молодежь, къ крупному фактическому протесту противъ абсолютизма и не вызоветъ ли подобный протестъ, заявленный въ минуту увлеченія, при недостаточномъ взвѣшиваніи послѣдствій, новаго слоя эмиграціи. Редакторъ «Впередъ!» немедленно созвалъ собраніе русской колоніи, стараясь въ рѣчи уяснить положеніе дѣлъ, побудить слушательницъ обдумать послѣдствія того или другого рѣшенія и принять это рѣшеніе съ полнымъ сознаніемъ возможныхъ результатовъ. Среди молодежи одни предлагали сейчасъ же возвратиться въ Россію, чтобы приняться за революціонную работу, другіе настаивали на необходимости дальнѣйшей подготовки. Александръ Кропоткинъ обратился къ молодежи съ убѣдительной просьбою дѣйствовать не сейчасъ, а давъ себѣ время обсудить поступокъ. Большинство рѣшилось подчиниться.

...«Въ числѣ лицъ, которыя послѣ распоряженія правительства [2]) оставили Цюрихъ, была и Бардина вмѣстѣ съ другими дѣвушками, осужденными послѣ вмѣстѣ съ нею: Л. Фигнеръ, М. Субботиной, В. Александровой, В. Любатовичъ, Хоржевской; онѣ переселились въ Парижъ, въ надеждѣ, что въ этомъ городѣ русское правительство оставитъ ихъ въ покоѣ, и онѣ въ

---

[1]) „Громада“ (община) издавалась заграницей М. Драгомановымъ, бывшій кіевскій профессоръ—украинофилъ, эмигрантъ.

[2]) Изъ этой же брошюры мы приводимъ и дальше нѣсколько длинный отрывокъ о препятствіяхъ, какія ставило заграничному образованію женщинъ русское правительство.

состоянiи будутъ окончить свои университетскiя занятiя. Вначалѣ имъ, дѣйствительно, какъ бы и удалось достичь ихъ цѣли. Именно, парижскiй медицинскiй факультетъ принималъ уже въ то время женщинъ въ студенты и не имѣлъ ничего противъ зачисленiя и прiѣхавшихъ изъ Цюриха. Сорбонна, которая оцѣниваетъ иностранные дипломы, отнеслась то же весьма хорошо къ свидѣтельствамъ о предшествовавшихъ занятiяхъ поступающихъ въ Россiи и Цюрихѣ, а пробывшихъ въ Цюрихѣ около 2-хъ лѣтъ полагала возможнымъ принять въ студенты 2-го года... Такимъ образомъ, казалось, что все идетъ хорошо. Съ своей стороны, и поступающiя не теряли времени и торопились всячески приравнять свои познанiя къ парижскимъ требованiямъ, ибо въ Парижѣ преподаванiе нѣсколько различалось отъ нѣмецкихъ университетовъ, а студенты въ концѣ года подвергались экзаменамъ. Послѣднiй предстоялъ и нашимъ студенткамъ, а чтобы приготовиться, недостаточно было одной доброй воли, а необходимы были и матерiальныя затраты: учиться въ Парижѣ было значительно дороже, чѣмъ въ Германiи. Средства вышеупомянутыхъ студентокъ были весьма ограничены и для жизни въ Швейцарiи; въ Парижѣ же пришлось урѣзать и старый бюджетъ, какъ для покупки, напр., микроскоповъ (надо было имѣть свои), такъ и для уплаты за лекцiи. Въ послѣднемъ отношенiи предстояло внести значительныя суммы... Все это пришлось покрывать уменьшенiемъ издержекъ на столъ и квартиру. И дѣйствительно, послѣднiя были доведены до такого minimum'а, что издержки простого рабочаго въ Парижѣ превышали, по крайней мѣрѣ, на треть издержки нашихъ студентокъ. Одинъ изъ французскихъ врачей, приглашенный по случаю болѣзни одной изъ нихъ, прямо предсказывалъ имъ истощенiе и болѣзни при такой обстановкѣ. Достаточно сказать, что на пищу эти дѣвушки могли издерживать по $1^1/_2$ франка, вмѣстѣ съ издержками на ея приготовленiе. Насколько жизнь русскихъ студентокъ непохожа была на то «жуированье», въ которомъ обвиняло ихъ русское правительство, видно, какъ изъ этихъ фактовъ, такъ и изъ того, что въ квартирѣ Бардиной съ подругами была одна комната, совершенно нездоровая, безъ вентиляцiи, въ которой онѣ жили по-очереди.

«При такихъ лишенiяхъ студенткамъ приходилось платить за курсы анатомiи по 200 фр. и по 30 фр. въ мѣсяцъ за химическую лабораторiю и купить микроскопъ... Все это ихъ,

однако, не смущало, онѣ рѣшили добиться своей цѣли и лишь ждали окончанія процедуры съ оцѣнкою дипломовъ въ Сорбоннѣ. Наконецъ, получилось приглашеніе явиться въ Сорбонну, но, вмѣсто вѣсти о правѣ поступить въ студенты, нашихъ женщинъ встрѣтили слѣдующими словами: «Несмотря на всѣ ваши права, которыя мы охотно признаемъ (мы считали возможнымъ принять васъ на 2-й курсъ), мы должны вамъ отказать: вашъ посолъ извѣстилъ насъ, что русское правительство не желаетъ, чтобы русскія женщины учились заграницею, а мы должны уважать его желаніе. Примите наши сожалѣнія, сударыни, и вѣрьте, что если бы не желаніе князя Орлова, то вы были бы тотчасъ приняты, какъ и другія русскія женщины, уже зачисленныя въ студенты». Вмѣшательство же кн. Орлова совершилось по слѣдующему поводу. Деканъ медицинскаго факультета, г. Вюрцъ, спросилъ разъ одну изъ поступающихъ (г-жу Егорову): «Что это значитъ, что вдругъ столько русскихъ женщинъ поступаютъ въ парижскій университетъ?» По наивности Егорова отвѣтила ему, что «наше правительство обязало насъ выѣхать изъ Цюриха», а затѣмъ разсказала и о мотивѣ, которымъ русское правительство руководствовалось. «А когда—такъ, то надо справиться у вашего посла», былъ отвѣтъ Вюрца, и въ результатѣ справокъ—отказъ женщинамъ, вновь поступающимъ. Впослѣдствіи, долго спустя, сталъ извѣстенъ и отвѣтъ князя Орлова. Онъ былъ въ сущности слѣдующій: «Русское правительство считаетъ неудобнымъ, чтобы русскія женщины учились внѣ Россіи; да къ тому нѣтъ и надобности, ибо въ Россіи онѣ имѣютъ учебныя заведенія, равносильныя факультетамъ въ университетахъ. Русскія женщины желаютъ, однако, учиться непремѣнно вмѣстѣ съ мужчинами, но когда это имъ и удается, какъ, напр., въ Цюрихѣ, то науками онѣ не занимаются, а вдаются въ политику, чему примѣромъ служитъ тотъ же Цюрихъ, гдѣ онѣ были членами секцій международнаго общества рабочихъ». Все это происходило осенью 1873 года, когда на коммунаровъ и интернаціоналовъ шла во Франціи еще жаркая охота

«И опять *ложь*,—на этотъ разъ личная, а не анонимная,—какъ въ статьѣ «Правительственнаго Вѣстника», противъ цюрихскихъ студентокъ. Джентльменъ, *посолъ русской имперіи*, князь Орловъ *налгалъ грязи* на русскихъ дѣвушекъ (тогда по 18—19 году), сказавъ, будто бы ищутъ онѣ заграницей не науки, а общество мужчинъ,—и *солгалъ* передъ иностраннымъ

правительствомъ, сообщивъ ему ложь о не существующихъ въ Россіи высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для женщинъ.

«Такимъ образомъ, снова русское правительство становилось поперекъ дороги русскимъ женщинамъ, и послѣднія еще разъ увидѣли всю безплодность своихъ усилій и своихъ пожертвованій. Пришлось бросить занятія, начатыя въ Парижѣ; и многія изъ нихъ, не видя никакихъ гарантій, что имъ не помѣшаютъ и въ третьемъ мѣстѣ устроиться, и даже не имѣя возможности къ этому послѣ затратъ въ Парижѣ, рѣшились оставить мечту добиться званія врача и поступили въ акушерки. Но для этого онѣ должны были снова возвратиться въ Швейцарію, гдѣ прослушать акушерскій курсъ можно вдвое скорѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Но чтобы не терять даромъ времени и въ Парижѣ, помянутыя выше студентки стали посѣщать спеціальный женскій госпиталь Lourcine, гдѣ, однако, занятія ихъ не могли быть особенно производительны, ибо онъ вовсе не имѣлъ въ виду ни акушерокъ вообще, ни даже начинающихъ студентокъ.

«Уже впослѣдствіи русскій посолъ смилостивился, и когда три изъ русскихъ женщинъ, не «московокъ», обратились къ нему въ 1874 году за согласіемъ его на поступленіе ихъ на факультетъ, но обратились при посредствѣ знакомыхъ послу или вліятельныхъ лицъ, то кн. Орловъ не только имъ не препятствовалъ, но даже и содѣйствовалъ» [1])...

Женщинамъ-«московкамъ» пришлось возвратиться въ Россію, не успѣвъ закончить своей подготовки къ дѣятельности въ такой степени, въ какой ее онѣ предполагали себѣ. Кромѣ того, здѣсь онѣ попали въ число отмѣченныхъ за неблагонамѣренность уже самимъ своимъ пребываніемъ въ Цюрихѣ...

Вся почти группа этихъ дѣвушекъ къ концу 1874 года была уже въ Россіи, и вскорѣ затѣмъ онѣ встрѣчаются въ числѣ арестованныхъ по «процессу московскихъ соціалистовъ».

---

[1]) См. „Дѣтоубійство, совершаемое русскимъ правительствомъ“.

Къ характеристикѣ движенія въ періодъ „хожденія въ народъ“.

(Отрывокъ изъ передовой статьи «Общины»).

№ 1. 1 января 1878 года [1]).

...Послѣ многочисленныхъ попытокъ соціалистическихъ организацій въ послѣдніе 25 лѣтъ, въ русскомъ соціализмѣ назрѣло сознаніе необходимости перенести центръ тяжести соціалистической пропаганды изъ среды кружковъ свободомысленной интеллигенціи въ среду рабочаго народа, изъ стѣнъ тайныхъ, но шумныхъ сборищъ молодежи на фабрики, на мірскую сходку, въ крестьянскую избу, въ потайное убѣжище сектанта.

Сознаніе необходимости такого шага вызвало жгучую потребность его совершенія. Всѣмъ намъ помнится еще возбужденное и торжественное настроеніе русскихъ соціалистовъ передъ началомъ «походовъ въ народъ». Въ немъ чувствовался и порывъ свѣжей, молодой силы, стремившейся вырваться изъ старыхъ тѣсныхъ рамокъ дѣятельности, и острая боль угрызенія совѣсти за предковъ, сознаніе своей виновности въ страданіяхъ народа. Какъ живой укоръ, стояло передъ русскимъ соціалистомъ растущее западное рабочее движеніе съ своими недавними побѣдами, съ своими подвигами геройства и мученичества. Оно звало его, указывало примѣръ и говорило: «Я — живая струя вѣка, я—камень, на которомъ созиждется церковь будущаго, и врата адовы не одолѣютъ ея. Только на нашемъ пути найдешь ты міръ съ

---

[1]) Объ „Общинѣ“ см. примѣчаніе на стр. 51.

своей совѣстью, удовлетворишь всѣмъ твоимъ завѣтнымъ стремленіямъ и смерть для жизни».

Восьмидесятимилліонный народъ, задавленный непосильными податями, обездоленный, стоялъ съ другой стороны. Его темнота, задавленность и нищета указывали прямо, куда надобно направить силы русскому соціалисту.

Но какъ идти къ этому народу, для котораго русскій соціалистъ былъ чужимъ человѣкомъ, отрѣзаннымъ отъ него и по культурѣ, и по привычкамъ, и по традиціямъ. Народъ этотъ былъ для большинства изъ насъ—невѣдомая земля. Мы знали, что народъ угнетенъ, знали, что онъ страдаетъ, знали корень, причину этихъ страданій; но какъ относится къ нимъ самъ народъ, въ какихъ формахъ выражаются эти страданія, какъ подойти къ народу съ разъясненіемъ причинъ ихъ? Это знали мы очень смутно. Знали мы, что народъ выработалъ за долгіе годы угнетенія инстинктивную, глухую, но непримиримую вражду ко всему, что есть въ насъ. Какъ явиться въ его среду человѣку дворянскаго рода, съ своими бѣлыми руками и прочимъ наслѣдіемъ барской культуры? Русскій соціалистъ долженъ былъ нежданно, негаданно для крестьянъ явиться проповѣдникомъ борьбы за свободу тамъ, гдѣ его отцы и братья являлись съ кнутомъ да окладнымъ листомъ въ рукахъ. Онъ долженъ былъ зажечь яркій свѣточъ соціализма тамъ, гдѣ лютая свекровь, полиція, купно съ дворянствомъ, одержимыя боязнью пожара, заливали цѣлымъ ушатомъ воды всякую тлѣющую лучину и бросали ее въ помойную яму.

Надобно сказать откровенно, что въ эту трудную минуту никто не помогъ русскому соціалисту. Первыя попытки его на этомъ поприщѣ были встрѣчены крайне недружелюбно. Даже со стороны людей, внесшихъ много свѣту въ общественное сознаніе, вмѣсто всякаго разъясненія трудной задачи, онъ встрѣтилъ только возгласы въ родѣ слѣдующихъ: «Ты въ народъ? ты?—Ахъ, ты—посконное рыло? Зачѣмъ ты туда пойдешь, что внесешь ты туда, неучъ, баричъ, бѣлоручка?—Людей что ли смѣшить хочешь? Да тебя мужики скрутятъ по рукамъ и ногамъ, лишь только ты ротъ разинешь. Сиди лучше дома да учись, недоросль»!

Но ни перспективой скрученныхъ лопатокъ, ни насмѣшками нельзя было пронять недоросля. Требовать, чтобы онъ занялся усовершенствованіемъ себя въ наукахъ и отложилъ практическую дѣятельность на неопредѣленное время, зна-

чило требовать невозможнаго. Онъ уже много лѣтъ составлялъ разныя тайныя группы и общества для подготовки себя къ дѣятельности, и его постоянно захватывали на порогѣ ея то съ Каракозовымъ, то съ Нечаевымъ. Ему представлялась такая альтернатива: или отказаться отъ самого себя, отъ своихъ завѣтныхъ надеждъ, или во что бы то ни стало съ тѣми малыми силами и свѣдѣніями, какія у него были, попытаться пробить брешь для соціалистической пропаганды въ народѣ. И русскій соціалистъ надѣлъ на плечи мужицкій армякъ, засунулъ за голенище самодѣльный фальшивый паспортъ, захватилъ въ котомку пачку брошюръ и «безъ дороги въ путь отправился.

За неимѣніемъ другого рѣшенія, мучившаго его вопроса, русскій пропагандистъ порѣшилъ, что пойдетъ одновременно и самъ учиться быть рабочимъ и крестьяниномъ, и поучать другихъ. Нѣкоторые, болѣе предусмотрительные, отложивъ свои проповѣдническіе опыты и скрѣпя сердце, принялись учиться ковать гвозди и шить сапоги... Ходить безъ дорогъ очень трудно, особенно въ непривычной обуви. Нерѣдко, по незнанію пути, русскій пропагандистъ попадалъ прямехонько въ лапы станового и кулака; зачастую у него изъ подъ сермяги выглядывалъ конецъ голландской рубахи, а самодѣльный паспортъ изъ охраны отъ бѣдъ и напастей превращался въ поличное...

Отправляясь «въ народъ» пробовать свои силы на пропагандѣ и пробовать своей пропагандой народъ, соціалистъ имѣлъ одинъ только серьезный шансъ за себя—глубокую вѣру въ истинность проповѣдуемыхъ имъ идей. Если что вывезло и спасло его отъ неудачи, такъ это вѣра и преданность идеямъ соціализма. И нельзя сказать, чтобы предсказанія насмѣшниковъ и скептиковъ оправдались на практикѣ.—Нерѣдко вмѣсто того, чтобы крутить лопатки проповѣднику, мужикъ, насторожив уши, слушалъ его горячія, хотя часто не совсѣмъ складныя рѣчи объ освобожденіи отъ податей, о вольной землѣ, о новомъ мужицкомъ царствѣ, гдѣ не будетъ ни баръ, ни чиновниковъ, — и искры вѣры пропагандиста западали въ мужицкую грудь. Зачастую ученикъ оказывался радикальнѣе учителя: послѣдній осторожно, не касаясь «идоловъ народа», эманципировалъ его отъ вѣры въ попа и губернатора, а слушатель самъ, по своей иниціативѣ, дѣлалъ переходъ отъ попа къ Миколѣ чудотворцу... Вмѣсто выдачи

по начальству, мужикъ пряталъ пропагандиста въ подклѣть, а ночью по лѣсной тропѣ проводилъ его въ безопасное убѣжище. Число изданныхъ, привезенныхъ въ Россію и разнесенныхъ брошюръ надобно считать десятками тысячъ. Это не преувеличеніе, какъ полагаютъ нѣкоторые, а фактъ, который мы беремся подтвердить цифровыми данными; что же касается брошюръ, представленныхъ по начальству, то ихъ не наберется и нѣсколькихъ сотенъ.—Скоро рядомъ съ пропагандистомъ изъ привилегированной среды началъ появляться изрѣдка и фабричный рабочій.

Движеніе, начавшееся первоначально въ очень скромныхъ размѣрахъ, благодаря первымъ успѣхамъ, вскорѣ сдѣлалось повальнымъ, эпидемическимъ. «Въ народъ»—скоро сдѣлалось лозунгомъ всей свободомысленной молодежи. Даже теперь, спустя годы послѣ начатія этого движенія, нѣтъ возможности не только дать приблизительную цифру пропагандистовъ, но даже опредѣлить званія лицъ, ходившихъ въ народъ. Тутъ были и дѣвушки, сбросившія съ себя цѣпи семейнаго деспотизма, и мировые судьи съ цѣпями на шеяхъ, семинаристы, посвятившіеся въ стихарь и расчитавшіеся со старой вѣрой, и магометане, проповѣдывавшіе пришествіе новой эры народной жизни по евангелію. А сколько нашлось народа, не принадлежавшаго въ строгомъ смыслѣ къ свободомысленной молодежи,—почтенныхъ отцовъ семейства, помогавшихъ движенію въ качествѣ совѣтчиковъ, пособниковъ, попустителей и укрывателей,—въ особенности укрывателей?

Однако же, чѣмъ шире становилось движеніе, тѣмъ больше попадало въ него лицъ, не имѣвшихъ никакой прямой связи съ непосредственными и постоянными работниками русскаго соціализма. Число пропагандистовъ, совершенно уже неподготовленныхъ къ своему дѣлу, росло; росло и число жертвъ. Рога охотниковъ на людей затрубили облаву во всѣхъ концахъ государства; добычу начали хватать десятками, настигая виновныхъ «по первому слѣду». Эта травля людей, совершенно невинныхъ и беззащитныхъ, какъ часто у насъ бываетъ на Руси, вызвала жестокіе нападки не на ловчихъ и доѣзжачихъ правительственной охоты, а на тѣхъ, кого почему-либо предполагали виновными въ возникновеніи этого движенія. Словно подобныя вещи вызываются по щучьему велѣнью и по прошенью какихъ-нибудь двухъ, трехъ, десяти, пяти Ивановъ или Петровъ. Тяжело отозвалась эта травля и

въ нашемъ лагерѣ. Слушая вѣсти о томъ, какъ затравили тамъ-то двухъ пропагандистовъ, какъ въ другомъ мѣстѣ мужики поколотили внушителя, какъ какая-то барышня примѣривала на базарѣ лапти поверхъ ботинокъ, энтузіасты начали охлаждаться. Благоразумные люди затянули проповѣдь на тему:

А ты собакъ позлѣе бы держалъ,
Да клѣть покрѣпче запиралъ.

Затѣмъ посыпались массою укоры пропагандистамъ въ ихъ несерьезности, въ безплодности ихъ дѣятельности; попытки пропаганды въ деревняхъ получили наименованіе демократическихъ parties de plaisir. Сколько наставительныхъ проповѣдей пришлось выслушать за неосторожность, недостатокъ конспиративной выдержки русскимъ пропагандистамъ! Глядя на ихъ провалы, солидные люди, пожимая плечами, говорили, что правительство скоро станетъ забирать малолѣтнихъ дѣтей. Многіе, огорченные тѣмъ, что не сбылись ихъ надежды, подавленные тяжелымъ зрѣлищемъ жертвъ, дошли, наконецъ, до того, что стали отрицать всякіе результаты этого движенія, или говорили, что результаты далеко не отвѣчаютъ жертвамъ. Послѣднее утвержденіе, если хотите, имѣетъ за собой нѣкоторое основаніе. Жертвы, дѣйствительно, многочисленны и тяжелы, но вѣдь не надобно забывать, что такія жертвы окупаются не въ годъ, не въ два, а, по крайности, въ десятокъ лѣтъ.

Мы сами чувствуемъ утраты наши не меньше, чѣмъ тѣ, у кого слово жертва не сходитъ съ языка; но винить въ нихъ кого бы то ни было намъ кажется немного страннымъ. Не надобно никогда забывать, что въ движеніяхъ, подобныхъ движенію въ народъ, не участники владѣютъ имъ, а оно ими. Какъ было избѣжать жертвъ, какъ можно было мечтать о единствѣ плана тамъ, гдѣ совершенно невѣдомымъ другъ отъ друга образомъ сталкивались на одной и той же почвѣ самые несовмѣстимые элементы: Идалія Польгеймъ и Екатерина Брешковская, Ларіоновъ и Муравскій, Низовкинъ и Мышкинъ, рабочій Сергѣй Виноградовъ и рабочій Григорій Крыловъ или Петръ Алексѣевъ. Были ошибки, недосмотры, неумѣлость и невыдержка; но такъ ли часто ужъ они встрѣчались, какъ увѣряютъ критики? Какъ ни легко кажется избѣжать и предусмотрѣть то, другое и третье, глядя на дѣло со стороны,—при разсмотрѣніи подробностей многіе провалы носятъ чисто фаталь-

ный характеръ. Да наконецъ, будьте же справедливы, господа критики! Вспомните, среди какой лихорадки приходилось жить и дѣйствовать русскому пропагандисту; вспомните, что среди той постоянной травли и при крайней необезпеченности своего существованія даже на нѣсколько часовъ, среди которой приходилось жить и вертѣться русскому пропагандисту, часто всякій расчетъ и всякая предосторожность становились призрачными или невозможными...

...Мы не намѣрены выставлять съ казоваго конца движенія въ народъ. Въ немъ были и крупные недостатки. Прежде всего мы укажемъ на преобладаніе бродячей, случайной пропаганды надъ осѣдлой; разумѣется, это способствовало отчасти и быстрому разносу пропаганды по лицу земли русской, но зато мало дало возможности завести опорные пункты для дальнѣйшей дѣятельности. Объясняется это, впрочемъ, тѣмъ, что хожденіе по народу и не разсматривалось большинствомъ, какъ окончательная форма дѣятельности. Въ народъ ходили многіе съ чисто рекогносцировочными цѣлями,—облюбовать мѣстечко для поселенія, попробовать свои силы и, наконецъ, просто посмотрѣть на этотъ народъ, о которомъ говорятъ такъ много, и который отдѣленъ отъ соціалиста китайской стѣной. Если бы большинству наиболѣе серьезныхъ пропагандистовъ задать вопросъ передъ ихъ отправленіемъ въ народъ, какъ они смотрятъ на свою будущую дѣятельность, и какую форму пропаганды предпочитаютъ, отвѣтъ былъ бы, несомнѣнно, такой: «надобно не ходить, а жить въ народѣ». Скомпанованный на три четверти по западнымъ образцамъ, незнакомый съ деталями крестьянской жизни и ея ежедневной борьбы, русскій соціализмъ поневолѣ былъ обстрактенъ, говорилъ народу о его бѣдахъ и несчастіяхъ слишкомъ общими формулами и часто проходилъ мимо злобы дня, представлявшей собою превосходнѣйшую иллюстрацію общихъ положеній. Поэтому соціализмъ представлялся мужику нерѣдко чѣмъ-то навѣяннымъ, пришедшимъ извнѣ вмѣстѣ съ самимъ пропагандистомъ, а не выводомъ изъ его собственнаго экономическаго положенія.

«Русскій пропагандистъ, отщепенецъ отъ своей среды, сходясь съ рабочимъ, дѣлалъ изъ него прежде всего не защитника крестьянскихъ интересовъ, протестанта во имя его нуждъ, но такого же отщепенца среди крестьянъ, которому такъ же душно становилось въ своей семьѣ и деревнѣ, какъ учителю въ городѣ, среди буржуазнаго общества. Русскій соціалистъ,

дитя нигилизма 60-хъ годовъ, самъ породилъ въ первую голову въ средѣ крестьянъ мужиковъ-нигилистовъ. Новые адепты соціализма внушали прежде всего роднымъ и близкимъ страхъ и недовѣріе своимъ рѣзкимъ порицаніемъ традиціонныхъ привычекъ и религіи. Не многимъ удалось убѣдить своихъ въ томъ, что этотъ разрывъ съ прошлымъ проистекаетъ изъ стремленія къ свободѣ и счастью, что подъ рѣзкой и непривѣтливой оболочкой строгаго порицателя старины скрывается искренній защитникъ исконныхъ правъ крестьянина...

...Во время хожденія въ народъ мы видимъ русскаго соціалиста повсюду на Руси. Забѣгали они и за Уралъ, и за Кавказскій хребетъ, и въ тундры сѣвера, и въ прикаспійскія степи. Не видимъ мы ихъ, къ сожалѣнію, только тамъ, гдѣ имъ всего нужнѣе было присутствовать — среди протестующаго народа. Ни среди волненій Ольгопольскихъ крестьянъ, ни въ Чигиринѣ, ни въ возмущеніи Уральскихъ казаковъ мы не видимъ русскихъ соціалистовъ. Можетъ быть, тамъ и были отдѣльныя личности, но мы не видимъ слѣдовъ ихъ участія въ вышеуказанныхъ дѣлахъ, вліянія ихъ на идеи протестующихъ. По нашему мнѣнію, это одинъ изъ самыхъ серьезныхъ упрековъ, какіе можно сдѣлать русскимъ пропагандистамъ и революціонерамъ. Гдѣ же лучшее поприще дѣятельности для революціонера-соціалиста, если не тамъ, гдѣ народъ самъ протестуетъ противъ современнаго порядка и поднимаетъ вопросъ объ его измѣненіи?

Несмотря, однако же, на вышепоименованные недостатки, мы рѣшаемся заявить, что все таки «движеніе въ народъ» сдѣлало свое дѣло и неизмѣримо облегчило работу соціально-революціонной партіи въ Россіи. Товарищи наши могутъ сказать въ большинствѣ случаевъ, что они сдѣлали, что могли»...

...Трудами пропагандистовъ, ходившихъ въ народъ, былъ проложенъ путь для соціально-революціонной пропаганды среди русскаго рабочаго населенія, завербованы первыя группы лицъ изъ народа для соціалистической партіи. Намъ, преемникамъ ихъ, остается, опираясь на существующіе уже элементы соціально-революціонной партіи въ народѣ, тѣснѣе слиться съ протестующими элементами его и внести въ программу своей партіи элементъ активной борьбы и протеста.

Это долгая, трудная, но благодарная работа!

Стихотвореніе Н. А. Некрасова[1]).

(Посвящается подсудимымъ процесса 50-ти).

Смолкли честные, доблестно павшіе;
Смолкли ихъ голоса одинокіе,
За несчастный народъ вопіявшіе...
Но разнузданы страсти жестокія!
Вихорь злобы и бѣшенства носится
Надъ тобою, страна безотвѣтная!
Все живое, все честное косится...
Слышно только, о ночь безразсвѣтная,
Среди мрака, тобою разлитаго,
Какъ враги, торжествуя, скликаются...
Такъ на трупъ великана убитаго
Кровожадныя птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются!...

---

[1]) Первоначально было напечатано въ соціально-революціонномъ обозрѣніи „Земля и Воля", № 5. 8 апрѣля 1879 года. См. „Революціонная журналистка 70-ыхъ годовъ" (приложеніе къ сборнику „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ", подъ редакціей Б. Базилевскаго), стр. 415.

С. И. Бардина [1]).

Въ ночь съ 25 на 26 апрѣля [2]) въ женевской больницѣ, послѣ мучительной двѣнадцатидневной агоніи, умерла Софья Илларіоновна Бардина отъ раны, нанесенной самой себѣ выстрѣломъ изъ револьвера. Въ воскресенье, 29 апрѣля, она была похоронена товарищами.

Немногочисленны и коротки были рѣчи, произнесенныя на ея могилѣ: бываютъ минуты такой нравственной подавленности, такой глубокой тоски, когда рѣчи не идутъ на умъ, когда слово стынетъ на устахъ, прячется куда-то въ глубь души, точно стыдясь своей жалкой блѣдности...

Шесть лѣтъ, шесть лучшихъ лѣтъ жизни провела она въ тюрьмѣ и сибирской ссылкѣ, еще болѣе ужасной, чѣмъ тюрьма. И когда мы привыкли уже считать ее заживо погребенною, подобно сотнямъ другихъ нашихъ мучениковъ;—когда мы думали уже, что у насъ осталось только ея имя, громкое, прославленное имя, котораго не могли изгладить изъ памяти всей мыслящей Россіи громы послѣдующихъ событій,—она вдругъ вырывается изъ рукъ своихъ мучителей, она преодолѣваетъ всѣ трудности огромнаго пути, она счастливо избѣгаетъ тысячи опасностей—и все это затѣмъ, чтобы, прибывъ въ страну, гдѣ уже никто не могъ ее настигнуть, покончить всѣ счеты съ жизнью однимъ выстрѣломъ...

Ужасный исходъ! Разсудокъ, подавленный трагическимъ событіемъ, не въ силахъ слѣдить логическую цѣпь причинъ и слѣдствій, и катастрофа кажется чѣмъ-то невѣроятнымъ. Въ опустѣлой головѣ звучитъ только рядъ мучительныхъ вопросовъ, на которые отвѣчаетъ лишь тупая боль.

А между тѣмъ отвѣчать необходимо. Роковой вопросъ стоитъ передъ глазами и совѣстью и неотвязно требуетъ отвѣта.

---

[1]) Біографія Софьи Илларіоновны Бардиной принадлежитъ блестящему перу С. М. Кравчинскаго, извѣстнаго читателямъ автора недавно вышедшихъ книжекъ „Подпольная Россія“ и „Изъ прошлаго“ (повѣсть изъ жизни 70-хъ годовъ). Первоначально эта біографія была напечатана въ либеральномъ заграничномъ изданіи „Вольное Слово“ (№№ 61—62, 22 мая 1883 г.); затѣмъ, была отпечатана отдѣльнымъ изданіемъ за границей.

[2]) Въ 1883 г.

Что побудило эту женщину поднять на себя руку въ ту минуту, когда ей, казалось, улыбалась заря новой жизни?

Вотъ вопросъ, который задаетъ себѣ всякій, до кого дошла печальная вѣсть.—Отвѣтомъ на него послужитъ повѣсть о страдальческой жизни этой женщины. Попробуемъ же разсказать, что знаемъ о ней съ той правдивостью, какую налагаетъ на насъ память о ней.

Софья Илларіоновна Бардина родилась въ 1853 г. въ г. Моршанскѣ, Тамбовской губ. Свѣдѣнія наши о ея дѣтскихъ годахъ, къ сожалѣнію, очень ограничены. Знаемъ только, что отецъ ея былъ частнымъ приставомъ и отличался крутымъ, деспотическимъ нравомъ, хотя въ душѣ былъ человѣкъ вовсе не злой и—большая рѣдкость между полицейскими чиновниками—честный. Мать свою Бардина очень любила, никогда не прекращала съ нею сношеній, и единственное письмо, оставленное ею послѣ себя, адресовано матери. Это была женщина очень мягкая и добрая, кажется, изъ купеческой семьи, поглощенная хозяйствомъ и дѣтьми, боявшаяся, какъ огня, мужа, котораго звала не иначе, какъ по имени и отчеству, что не мѣшало ей, переждавши бурю, заставлять его дѣлать многое по своему.—Благодаря такой тактикѣ, семейная жизнь шла сносно и, если маленькая Соня не могла похвастаться тщательностью своего домашняго воспитанія, зато она не видѣла ничего способнаго развратить молодую душу.

Очень рано Соня была отдана въ институтъ—кажется, Тамбовскій—и кончила курсъ съ «шифромъ»—высшей наградой за успѣхи. Въ 1871 г. она пріѣзжаетъ въ Москву съ цѣлью продолжать свое образованіе. Здѣсь она сталкивается со студентами и знакомится впервые съ революціонными и соціалистическими идеями, которыя уже начинаютъ сильно распространяться среди молодежи. То были времена всеобщаго хаотическаго броженія, предшествовавшаго массовому соціалистическому движенію 73—74 годовъ, когда назрѣвшія силы только еще искали безсознательно выхода. Каракозовскіе погромы, снесшіе все, что было живого и смѣлаго въ молодежи, успѣли забыться; раны, ими нанесенныя, успѣли зажить. Подросло новое поколѣніе, которое хотя совершенно утратило революціонную традицію и связь съ дѣятелями 63-хъ и 66-хъ годовъ, однако, подъ вліяніемъ естественнаго недовольства окружающимъ настраивалось рѣзко оппозиціонно, жадно прислушивалось ко всякимъ новшествамъ и готово

было броситься къ первой бреши и даже щели, откуда блеснетъ лучъ свѣта. Революціонныя стремленія, возникавшія при такомъ настроеніи путемъ самопроизвольнаго зарожденія, общій глухой протестъ подавленной мысли, послѣдніе отголоски писаревскаго «нигилизма» съ его культомъ естественныхъ наукъ и «женскаго вопроса»,—все это сливалось въ одно безпорядочное, но живое и бурливое теченіе, которое каждаго куда-то влекло, куда-то толкало, суля впереди что-то хорошее, разумное. Повальное стремленіе русской молодежи обоего пола въ Швейцарію, за границу, гдѣ представлялась полная возможность удовлетворить и правдоискательству, и жаждѣ профессіональнаго образованія, было однимъ изъ проявленій этого настроенія. Имъ увлекалась и Бардина, и сестры Любатовичъ, ея будущія подруги по кружку и процессу, съ которыми она познакомилась въ Москвѣ. Всѣ три рѣшились ѣхать въ Цюрихъ, начинавшій уже входить въ славу, и въ концѣ года онѣ уже были въ этомъ городѣ, котораго не покидали до іюля 1873 г.

То была эпоха наиболѣе кипучей политической жизни среди русской колоніи, сдѣлавшей этотъ мирный швейцарскій городокъ ареной бурныхъ политическихъ турнировъ. Однако, рядомъ съ комическими бурями въ стаканѣ воды и распрями, порождаемыми запальчивостью кружковъ, искренно вѣрившихъ, что въ ихъ рукахъ судьба Россіи—здѣсь шла серьезная работа умственнаго и нравственнаго воспитанія значительной массы русской молодежи, которая привезла съ собою изъ Россіи и чуткость къ общественнымъ вопросамъ, и оппозиціонную закваску русскаго студенчества. Кружки самообразованія, никогда не переводившіеся въ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и особенно распространенные въ 70—71 годахъ, когда соціализмъ и революція находились въ своемъ теоретическомъ, можно сказать, инкубаціонномъ періодѣ, разумѣется, стали заводиться и здѣсь. Но только въ Швейцаріи вліяніе ихъ было безъ всякаго сравненія интенсивнѣе и глубже, такъ какъ они имѣли возможность не только черпать полными горстями сокровища европейской мысли, которыя въ Россіи приходилось собирать по крохамъ, но и видѣли непосредственно то живое общественное движеніе, о которомъ въ Россію доходили только отголоски.

Одинъ изъ такихъ самообразовательныхъ кружковъ, состоявшій исключительно изъ женщинъ, появившихся впослѣд-

ствіи почти поголовно на скамьѣ подсудимыхъ въ процессѣ 50-ти, собрался около С. И. Бардиной. Большинству этихъ дѣвушекъ едва минуло тогда 17—18 лѣтъ, и Бардина, будучи нѣсколькими годами старше своихъ подругъ и соотвѣтственно образованнѣе, естественно заняла въ кружкѣ мѣсто руководительницы, коновода. Впрочемъ, не однимъ знаніямъ и возрасту обязана она была своей ролью: кто видѣлъ Софію Илларіоновну лишь въ послѣдніе мѣсяцы ея жизни, убитую, подавленную, тотъ не имѣетъ понятія объ этой бойкой, энергичной, остроумной дѣвушкѣ, отъ которой такъ и брызгало жизнью и весельемъ. Скучать въ ея присутствіи было невозможно. Въ ея рѣчи было столько ума, тонкой насмѣшки и наблюдательности, что она очаровывала невольно слушателей и становилась душою общества, куда только ни попадала.

Люди очень дорого платятъ за даримое имъ веселье, и потому Бардина была всеобщей любимицей: ее любили люди, самые противоположные, безъ различія пола и возраста, начиная отъ дѣда Любатовичей, стараго серба, потерявшаго счетъ своимъ годамъ, и кончая ея товарищами по университету—французскими и нѣмецкими студентами, которые до сихъ поръ такъ пугливо сторонятся отъ русскихъ студентокъ. Мы не говоримъ уже о ея подругахъ по кружку, знавшихъ ее близко и имѣвшихъ, разумѣется, еще много другихъ причинъ любить ее, кромѣ ея пріятнаго характера.

Здѣсь, впрочемъ, нужно указать на одну характерную особенность ихъ взаимныхъ отношеній: въ средѣ будущихъ «московокъ» (какъ зовутъ между собою соціалисты женщинъ московскаго процесса) преобладалъ особый видъ дружбы, который можно назвать *пансіонской*, потому что она отличалась такой исключительностью и экзальтированностью, какія, обыкновенно, встрѣчаются только между юными пансіонерками. Не то, чтобъ эти дѣвушки были ужъ до такой степени юны: нѣкоторымъ было уже лѣтъ по двадцати. Но масса новыхъ, неизвѣданныхъ и глубокихъ ощущеній, нахлынувшихъ на эти молодыя впечатлительныя души, была слишкомъ велика, чтобы таиться въ собственной груди. Отсюда потребность въ интимной дружбѣ, которая при общей экзальтаціи, вызванной такимъ глубокимъ нравственнымъ переломомъ,—естественно принимала тотъ оттѣнокъ восторженности и исключительности, который заставилъ бы улыбнуться болѣе спокойнаго наблюдателя.

Такимъ именно и была Бардина. Ея трезвый, насмѣшли-

вый умъ не выносилъ никакой сентиментальности, а строгое критическое отношеніе къ себѣ и къ другимъ не допускало той безмѣрной идеализаціи, которая служитъ основою черезчуръ экзальтированной дружбы.

Бардина казалась гораздо старше, серьезнѣе своихъ лѣтъ среди этой зеленой молодежи, относившейся къ ней поэтому съ оттѣнкомъ почтительности. Въ кружкѣ у нея не было спеціальнаго друга, потому что она распредѣляла свою привязанность справедливѣе и потому равномѣрнѣе, что, конечно, должно было только способствовать ея общему вліянію на кружокъ. Однако, съ двумя изъ своихъ подругъ она сошлась ближе, тѣснѣе, чѣмъ съ прочими—это была Лидія Фигнеръ и въ особенности Бетя Каминская, ея «любимицы», какъ ихъ называли въ кружкѣ.

Характеренъ этотъ выборъ. Какъ Бетя, страстная порывистая южанка, напоминавшая своей экзальтаціей средневѣковыхъ пророчицъ, такъ и Лидія, натура тихая, ровная, терпимая—обѣ онѣ были самымъ чистымъ воплощеніемъ того типа идеальныхъ, безгранично искреннихъ и самоотверженно любящихъ женщинъ, который такъ часто вдохновлялъ собою поэтовъ и романистовъ. Казалось, трудно было подыскать контрасты болѣе полные, чѣмъ между Бардиной и ея пріятельницами. А, между тѣмъ, какъ это всегда бываетъ между близкими друзьями, при всемъ ихъ внѣшнемъ различіи онѣ въ сущности имѣли между собою много общаго. Одна изъ нихъ—Каминская—вѣдь и кончила, подобно Бардиной, самоубійствомъ и при томъ подъ вліяніемъ весьма сходныхъ, чисто-идейныхъ мотивовъ; у обѣихъ служеніе извѣстнымъ идеаламъ было насущною потребностью, помимо которой жизнь теряла всякій смыслъ; у обѣихъ основою характера была строгая правда и прямота по отношенію къ себѣ и своимъ обязанностямъ,—съ тою лишь разницею, что у одной это вытекало непосредственно, изъ нѣжной любвеобильной натуры, тогда какъ у другой это вылилось въ болѣе суровую форму сознательныхъ, нравственныхъ обязательствъ предъ собственной совѣстью, какъ это бываетъ у людей мысли, по преимуществу.

Это-то преобладаніе мысли или, по крайней мѣрѣ, постоянное присутствіе ея, какъ контролирующаго и регулирующаго начала, и дѣлало Бардину такимъ полезнымъ человѣкомъ среди этой черезчуръ уже горячей и увлекающейся молодежи.

Рѣшеніе ѣхать въ Россію съ цѣлью пропаганды одуше-

влявшихъ ихъ идей было принято кружкомъ весьма скоро, можно сказать, на другой день послѣ его основанія, и не было недостатка въ горячихъ головахъ, какъ сестры Любатовичъ и Каминская, которыя бы агитировали за то, чтобы ѣхать тотчасъ же и приниматься за работу, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ. Бардина настаивала на необходимости болѣе серьезной теоретической и профессіональной подготовки къ предстоящей дѣятельности. Она очень усердно работала въ обоихъ направленіяхъ: много читала сама, составляла «рефераты», какъ это водится въ самообразовательныхъ кружкахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ усердно слѣдила за своими лекціями, сперва въ политехникумѣ, гдѣ, между прочимъ, выдержала изъ первыхъ переходный экзаменъ, а потомъ въ университетѣ, куда перешла на медицинскій факультетъ, рѣшивъ, что профессія врача удобнѣе, чтобы «пристроиться» въ средѣ народа.

Однако, курса кончить ей не удалось. Извѣстно, что въ іюлѣ 1873 г. состоялось «правительственное распоряженіе», по которому всѣмъ учащимся въ Цюрихѣ женщинамъ предписывалось немедленно оставить этотъ ужасный городъ, подъ страхомъ гражданскаго отлученія. Такъ какъ соціалистическая молодежь вовсе не желала давать битву правительству на почвѣ свободы обученія, то рѣшено было исполнить его приказаніе. Часть будущихъ «московокъ» прямо поѣхала въ Россію; другая сдѣлала попытку кончить курсъ въ другихъ европейскихъ университетахъ, куда по точному смыслу распоряженія поступленіе не возбранялось. Бардина вмѣстѣ со многими другими студентками поѣхала въ Парижъ. Но русскій посланникъ, графъ Орловъ, не постыдился своими закулисными инсинуаціями лишить русскихъ дѣвушекъ права, котораго правительство не рѣшалось отнять у нихъ явно. Двери парижскаго университета были закрыты передъ бывшими цюрихскими студентками. Бардина собираетъ послѣднія крохи и перебирается въ Женеву и здѣсь проходитъ въ нѣсколько мѣсяцевъ курсъ акушерства, чтобы поѣхать въ Россію хоть съ какой-нибудь профессіей въ рукахъ.

Въ 1874 г. бремершлюссельская коммуна (какъ звали ее по дому, занимаемому ею въ Цюрихѣ) собралась въ полномъ своемъ составѣ въ первопрестольной столицѣ уже въ качествѣ тайнаго общества, соединившись съ цѣлымъ кружкомъ кавказцевъ, между которыми наиболѣе извѣстны Здановичъ, Цієціановъ, Джабадари и др.

Въ борьбѣ быстро мужаютъ бойцы. Цюрихскія мечтательницы и идеалистки въ жгучей атмосферѣ родины въ нѣсколько мѣсяцевъ превращаются въ выдержанныхъ, стойкихъ, искусныхъ заговорщицъ. Онѣ вырабатываютъ широкій и стройный планъ активной организаціи—первый серьезный опытъ въ этомъ родѣ въ послѣдній фазисъ движенія, такъ какъ предыдущія тайныя общества этого періода, такъ называемыя «долгушинцы» и «чайковцы» не вышли изъ аморфнаго состоянія кружковъ. Онѣ осуществляютъ съ большимъ успѣхомъ первую часть своей программы, заведя пропагандистскіе кружки въ четырехъ рабочихъ центрахъ, такъ какъ по плану организаціи—вполнѣ раціональному и практичному—надлежало образовать сперва революціонные кадры изъ городскихъ рабочихъ, болѣе доступныхъ пропагандѣ, чтобы потомъ вмѣстѣ съ ними двинуться въ деревни.

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о непосредственной роли самой Бардиной въ этой внутренней работѣ. Надѣемся, что ея товарищи по кружку пополнятъ этотъ пробѣлъ. Несомнѣнно только, что и здѣсь дѣятельность ея должна была быть изъ наиболѣе видныхъ, потому что тѣ качества, которымъ она была обязана своимъ исключительнымъ вліяніемъ въ цюрихской коммунѣ—зрѣлость мысли, болѣе трезвое отношеніе къ жизни, извѣстная доза практичности—должны были получить свою настоящую цѣну именно теперь.

Но о ея дѣятельности, какъ пропагандистки, намъ извѣстны нѣкоторыя интересныя подробности. На этомъ поприщѣ Бардина обнаружила замѣчательныя способности и имѣла такой успѣхъ, какъ ни одинъ изъ членовъ ея организаціи.

Извѣстно, что почти всѣ женщины будущаго процесса пятидесяти: обѣ сестры Любатовичъ, Фигнеръ, Хоржевская, Каминская, а также и Бардина, размѣстились по фабрикамъ въ качествѣ простыхъ работницъ, такъ какъ въ пылу увлеченія народничествомъ считалось чуть не измѣною занять привилегированное положеніе, хотя бы самое скромное, избавлявшее отъ необходимости «дѣлить съ народомъ его страданія». Условія, при которыхъ приходилось вести свою пропаганду этимъ подвижницамъ, были поистинѣ ужасны. Дѣвушки, привыкшія къ барской обстановкѣ, къ чистотѣ и комфорту, должны были работать буквально по 13 часовъ въ день, при отвратительной пищѣ, состоявшей изъ ломтя плохо

выпеченнаго хлѣба и жидкой болтушки съ мочалами вмѣсто говядины, чѣмъ кормятъ своихъ рабочихъ московскіе фабричные тузы, въ родѣ братьевъ Носовыхъ, Лазаревыхъ и др. Каминская, такъ та совсѣмъ не могла ѣсть этой пищи и довольствовалась тѣмъ, что обгрызала хлѣбныя корки.

Рабочіе выпускались на свободу только разъ въ недѣлю, и потому ночевать приходилось на фабрикѣ же въ общихъ спальняхъ, гдѣ каждой работницѣ отводилось узенькое мѣсто на полатяхъ, расположенныхъ въ нѣсколько ярусовъ, очень тѣсное, такъ что зимою при закрытыхъ окнахъ голова кружилась отъ духоты и вони. Постелью служилъ грязный сѣнникъ и такая же подушка, разумѣется, безъ всякихъ признаковъ бѣлья. Количество же паразитовъ—блохъ, вшей и въ особенности клоповъ—было таково, что всѣ углы и щели просто кишѣли ими, а по ночамъ они расползались по всѣмъ направленіямъ, грызли тѣло, падали съ потолка на голову, такъ что въ первые дни отъ нервнаго раздраженія невозможно было уснуть всю ночь, несмотря на смертельную усталость.

И все это выносилось для того, чтобы, послѣ пятнадцати часовъ безсмысленнаго и отупляющаго «чесанья» чего-нибудь, перебиранія вонючихъ тряпокъ и т. п., имѣть возможность раза два—три въ недѣлю поговорить въ теченіе десяти минутъ съ засыпающимъ отъ усталости рабочимъ о народѣ и его страданіяхъ, о тяжести податей, о кровопійствѣ кулаковъ и чиновниковъ. Но всего хуже было то, что женщины не имѣли даже утѣшенья, доступнаго мужчинамъ, ставшимъ въ подобное положеніе; онѣ не могли сказать, «что рабочіе относятся зато къ нимъ, какъ къ своему брату, и слушаютъ ихъ проповѣдь безъ всякаго предубѣжденія», потому что рабочіе относились къ нимъ, какъ къ существамъ низшимъ, а на ихъ попытки завести умные разговоры отвѣчали, обыкновенно, сальностями или насмѣшками.

Такимъ образомъ, общее положеніе о необходимости для пропаганды становиться непремѣнно простымъ рабочимъ, будучи весьма мало практичнымъ въ примѣненіи къ мужчинамъ, становилось просто нелѣпымъ въ примѣненіи къ женщинамъ. И однако же, даже при такихъ невозможныхъ условіяхъ всѣмъ московскимъ пропагандисткамъ, въ томъ числѣ и наименѣе искуснымъ, удалось кое-что сдѣлать, что самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, конечно, не разумность или примѣнимость этого пути, а крайнюю воспріимчивость русскихъ

крестьянъ и фабричныхъ къ соціалистической пропагандѣ и возможность самаго широкаго ея развитія при иныхъ условіяхъ.

Успѣшнѣе другихъ оказалась, какъ мы сказали, дѣятельность Бардиной, поступившей подъ именемъ Анны Зайцевой на фабрику Лазаревыхъ [1]). Такъ какъ женщины работали отдѣльно отъ мужчинъ, то она начала съ того, что обратилась со своей пропагандой къ товаркамъ по мастерской. Но тутъ она потерпѣла полное фіаско. «Бабы» оказались глухи ко всякой пропагандѣ, которая отскакивала отъ нихъ, какъ горохъ отъ стѣны. Заинтересовать ихъ разговоромъ о чемъ-нибудь, кромѣ нарядовъ, любовниковъ и сплетенъ, оказалось рѣшительно невозможнымъ.

Тогда Бардина задумала пробраться на мужское отдѣленіе. При господствовавшихъ на фабрикѣ нравахъ, явиться въ мужскія спальни было дѣло опасное. Поэтому она озаботилась познакомиться предварительно съ однимъ женатымъ рабочимъ черезъ его жену, свою сосѣдку по станку, и однажды вечеромъ, послѣ работъ, отправилась къ нему въ общую спальню за какимъ-то яко бы дѣломъ. Это обезпечило ей вѣжливый пріемъ, и Бардина поспѣшила придраться къ первому предлогу, чтобы начать чтеніе захваченной съ собою книжечки — кажется, «Сказки о четырехъ братьяхъ». Успѣхъ ея дебюта былъ огромный: послѣ первыхъ же строкъ около нея собралась небольшая кучка слушателей. Черезъ пять минутъ это была уже цѣлая толпа, а черезъ десять ее окружили всѣ работники отъ мала до велика, ловя каждое ея слово. Когда чтеніе кончилось—разспросамъ не было конца. Кто ты? откуда? Гдѣ научилась такъ хорошо грамотѣ?—Сыпалось на нее со всѣхъ сторонъ.

Бардина должна была разсказать свою біографію: она работница, съ молоду была въ услуженіи у господъ и обучилась у нихъ грамотѣ; потомъ вернулась на село и стала тамъ грачетчицей, а теперь, по нуждѣ, поступила на фабрику. Все это было вполнѣ естественно и просто. Крестьяне знаютъ, что

---

[1]) Долго Бардину не принимали сюда: интеллигентный видъ изобличалъ ее, и ей совѣтовали поступить въ горничныя, потому что на фабрикѣ, молъ, для нея работа трудна, и только послѣ долгихъ настоятельныхъ просьбъ Аннушка, какъ звали здѣсь Бардину была принята въ отдѣлочное отдѣленіе фабрики.

*

среди раскольниковъ грамотныя женщины нерѣдкость и не стали больше дивиться ея учености.

Съ этого дня Бардина часто навѣдывалась въ мужскую половину. Своей разумностью, степенностью и тактомъ она вскорѣ завоевала себѣ всѣ симпатіи, и между нею и ея товарищами по работѣ установились самыя лучшія отношенія. Несмотря на крайнюю распущенность фабричныхъ нравовъ,—что было источникомъ столькихъ непріятностей для прочихъ мовсковскихъ пропагандистокъ,—Бардиной удалось внушить къ себѣ такое уваженіе, что, по ея собственнымъ словамъ, ни одинъ рабочій ни разу не позволилъ себѣ въ ея присутствіи сколько-нибудь неприличной шутки. Рабочіе даже какъ будто гордились ею и по субботамъ въ трактирѣ нарочно обращались къ ней съ просьбой почитать имъ «вѣдомости», какъ называли они безразлично всякую газету, чтобы похвастаться такой искусницей передъ публикой.

При такомъ всеобщемъ уваженіи къ ея личности и вниманіи къ ея словамъ, пропагандистская дѣятельность Бардиной не могла не быть успѣшной. На общее настроеніе своихъ товарищей, такъ сказать, на общественное мнѣніе фабрики, ей удалось оказать рѣшительное вліяніе. Но ей хотѣлось упрочить эти результаты созданіемъ болѣе тѣсной тайной организаціи людей сознательныхъ. Это оказалось гораздо труднѣе, потому что требовало долгой и внимательной работы съ каждымъ. А между тѣмъ физическій трудъ отнималъ у нея почти все время и доводилъ ея товарищей до такого утомленія, что, по окончаніи работы, они только и думали что объ отдыхѣ. Однако по прошествіи мѣсяца Бардина все-таки кое-что сдѣлала и въ этомъ направленіи. Она намѣтила небольшой кружокъ изъ людей, сильнѣе отозвавшихся на ея слова; съ ними она была откровеннѣе, поручала имъ самимъ читать товарищамъ приносимыя ею книги. Дѣло подвигалось впередъ, хотя и не особенно быстро, и Бардина подумывала уже о томъ, чтобы закинуть удочку въ сосѣднія фабрики, гдѣ ей удалось уже завести кое-какія знакомства. Но тутъ случилось одно происшествіе, заставившее ее прервать на первыхъ же шагахъ съ такимъ трудомъ налаженное дѣло: англичанинъ-управляющій засталъ ее однажды въ мужскомъ отдѣленіи за чтеніемъ. Въ первый разъ онъ ограничился тѣмъ, что прогналъ ее, такъ какъ подобныя посѣщенія строго запрещались. Но потомъ, заставъ нѣсколькихъ рабочихъ за чтеніемъ, онъ отобралъ у

нихъ книжки съ тѣмъ, чтобы прочесть на досугѣ. Такъ какъ это не обѣщало Бардиной ничего хорошаго, то она и поспѣшила оставить фабрику.

Этимъ опытомъ—скромнымъ, но очень характернымъ—и ограничилась пропагандистская дѣятельность Бардиной. Покинувъ Лазаревскую фабрику [1]), Бардина поселилась на «конспиративной квартирѣ», гдѣ вскорѣ и была арестована [2]) по доносу Дарьи Скворцовой, кухарки, желавшей своимъ предательствомъ спасти любовника, арестованнаго жандармами.

Бардина выступаетъ снова на сцену дѣятельности только черезъ два года, но здѣсь появленіе ея было настолько блестящимъ, что давно уже сдѣлалось достояніемъ исторіи. Мы говоримъ о достопамятномъ процессѣ пятидесяти, въ которомъ кульминаціоннымъ пунктомъ была ея рѣчь.

Значеніе этой рѣчи обусловливается двумя обстоятельствами: прежде всего ея принципіальной стороною. Идеи и стремленія русской соціалистической партіи—какою она была въ тотъ періодъ—никогда, ни прежде, ни послѣ, не были формулированы съ такой вѣрностью, ясностью и строгой логикой, какъ это сдѣлала Бардина. Мышкинъ въ своей рѣчи, или, лучше, въ своемъ великолѣпномъ поединкѣ съ предсѣдателемъ превзошелъ Бардину энергіей своего могучаго краснорѣчія. Но вслѣдствіе тѣхъ условій, при которыхъ она произносилась, рѣчь эта приняла исключительно боевой, наступательный, если можно такъ выразиться, характеръ. Въ жару боя, Мышкинъ задается цѣлью нанести возможно больше вреда врагу, а не нарисовать возможно полнѣе міросозерцаніе своей партіи, какъ это дѣлаетъ Бардина. Рѣчь Бардиной представляетъ минимальныя требованія партіи съ цѣлью привлеченія на ея сторону возможно большаго количества сочувствующихъ, выраженныя притомъ въ самой умѣренной и скромной формѣ.

Огромный, совершенно исключительный успѣхъ этого произведенія въ обществѣ показываетъ, въ какой мѣрѣ цѣль эта была достигнута.

Но едва ли не большее значеніе имѣетъ рѣчь Бардиной съ другой стороны, а именно со стороны нравственной. Она представляетъ первый смѣлый вызовъ, публично брошенный въ

---

[1]) По свидѣтельскимъ показаніямъ на судѣ, Бардина работала на фабрикѣ только пять недѣль.

[2]) 3-го апрѣля 1895 года.

лицо правительству. Эта блѣдная, слабая на видъ дѣвушка безстрашно идетъ навстрѣчу ударамъ враговъ и, доказавъ съ неопровержимой силой нравственную правоту своихъ соціалистическихъ убѣжденій, восклицаетъ:

«Но я не прошу у васъ милосердія и не желаю его... Я убѣждена, что наступитъ день, когда даже наше сонное и лѣнивое общество проснется и стыдно ему станетъ, что оно такъ долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами, вырывать у себя своихъ братьевъ, сестеръ и дочерей и губить ихъ за одну только свободную исповѣдь своихъ убѣжденій! И тогда оно отомститъ за нашу гибель!... Преслѣдуйте насъ,—за вами пока матеріальная сила, господа; но за нами сила нравственная, сила историческаго прогресса, сила идеи, а идеи,—увы! на штыки не улавливаются!..»

Подобныя слова, впервые произнесенныя въ стѣнахъ русскаго суда, да еще женщиною, должны были произвести потрясающее дѣйствіе. Лишь отдѣльныя личности воспламеняются отъ прикосновенія чистой идеи. Масса, толпа способна одушевиться ими только тогда, когда конкретный фактъ или личность, воплотившіе эту идею, взволнуютъ ихъ нравственное чувство и фантазію.

Такая роль выпала на долю именно московскимъ женщинамъ, среди которыхъ всѣхъ ярче выступила Бардина.

Вотъ почему ея рѣчь составляетъ эпоху въ исторіи нашего революціоннаго движенія.

Перечитывая ее теперь, семь лѣтъ спустя, когда передъ нашими глазами успѣли пройти многіе факты высокаго самоотверженія, перечитывая, говорю, эту рѣчь теперь, мы не почувствуемъ уже того энтузіазма и умиленія, которымъ переполнялась наша грудь, когда во дни молодости мы зачитывались ею. Теперь она для насъ—памятникъ, литературное произведеніе. Но въ этомъ небольшомъ произведеніи, сжатомъ, содержательномъ, какъ окристаллизованная мысль, все еще трепещется живая душа ея автора: чистая, свѣжая, молодая душа. Тонкій, прозрачный юморъ, какъ дымкой окутывающій его, едва прикрываетъ глубокую страстность натуры и горячую, юношескую вѣру въ людей и будущее.

Много нравственныхъ силъ должно было скрываться въ дѣвушкѣ, которая въ 23 года могла произнести такую рѣчь. Много обѣщала она дать въ будущемъ.

А между тѣмъ это была ея лебединая пѣсня.

Когда Бардина произнесла на судѣ свое послѣднее слово, жизнь ея кончается: всѣ остальныя семь лѣтъ ея существованія были лишь медленнымъ, мучительнымъ умираніемъ, и катастрофа 13-го апрѣля была вызвана лишь отчаяннымъ желаніемъ ускорить его.

Вскорѣ послѣ суда, Бардина, осужденная на 9 лѣтъ каторжныхъ работъ, вслѣдствіе измѣненія [1]) приговора была отправлена въ Ишимъ [2]) на вѣчное поселеніе.

Въ первое время жизнь ея въ этомъ городѣ обѣщала устроиться довольно сносно. Она знакомится съ представителями мѣстной интеллигенціи—чиновниками, купцами, заводчиками, которые принимаютъ ее сперва съ любопытствомъ, смѣшаннымъ со страхомъ, потомъ, присмотрѣвшись, мирятся съ ней, и нѣкоторые сходятся даже ближе. Чрезъ мѣстныхъ тузовъ она знакомится съ молодежью—мелкими канцеляристами, молодыми учителями—и здѣсь имѣетъ рѣшительный успѣхъ и самое благотворное вліяніе.

Но бдительное око начальства не дремлетъ: кѣмъ-то изъ доброхотныхъ шпіоновъ на нее пишется доносъ губернатору. Исправникъ получаетъ жесточайшій выговоръ, и начинаются строгости, но не противъ самой Бардиной, такъ какъ невозможно было запретить ей принимать тѣхъ, кто приходитъ къ ней въ домъ, а именно противъ ея гостей. Все это были люди служащіе и потому вполнѣ зависимые. Нѣсколько отеческихъ внушеній тотчасъ же заставляютъ отшатнуться отъ Бардиной большую половину ея вчерашнихъ друзей. Нѣкоторые, однако, упорствуютъ. Тогда начальство прибѣгаетъ къ крупнымъ мѣрамъ и лишаетъ мѣста и куска хлѣба одного изъ упрямцевъ. Послѣ этого въ городѣ началась такая паника, что даже люди совершенно по своему положенію независимые, по свойственной русскому обывателю трусости, стали за версту обѣгать ея домъ чтобы не быть вынужденными поклониться ей при встрѣчѣ Бардина была изолирована почти окончательно и единственнымъ ея обществомъ стали отнынѣ ея товарищи по ссылкѣ, такіе же оторванные отъ всего, томящіеся своимъ бездѣйствіемъ люди, какъ и она. Съ этого-то времени и начинается для нея унылая и горькая жизнь ссыльно-каторжной.

---

[1]) 7-го мая, по кассаціонной жалобѣ Бардиной.
[2]) Тобольской губерніи.

Много писалось объ этомъ предметѣ въ нашей революціонной литературѣ. Много раздавалось жалобъ на эту жизнь, полную тупыхъ, ноющихъ страданій. Но едва ли есть возможность дать почувствовать всю ея горечь человѣку, никогда ея не испытавшему; въ ней именно нѣтъ ничего остраго, рѣзкаго, поражающаго воображеніе и чувство и потому доступнаго яркому воспроизведенію. Она ужасна именно своей безизвѣстностью, томительнымъ однообразіемъ, отсутствіемъ какихъ бы то ни было впечатлѣній, что при продолжительности разслабляетъ умъ и волю подобно тому, какъ вынужденное бездѣйствіе атрофируетъ мускулы. Настоящее страданіе заставляетъ встрепенуться энергическую натуру, пробуждая въ ней новыя силы для сопротивленія и борьбы. Но тутъ не съ чѣмъ бороться, нечего дѣлать, не о чемъ думать. Нѣсколько лѣтъ такой жизни способны надломить самую богатую, даровитую натуру, и чѣмъ она глубже, чѣмъ интенсивнѣе въ ней потребность въ живомъ дѣлѣ, тѣмъ губительнѣе должно отразиться на ней это долгое калѣченіе.

Бардина показала, что она умѣетъ терпѣть; два слишкомъ года предварительнаго одиночнаго заключенія нравственно не оставили на ней никакого слѣда: тамъ было возбужденіе ожидаемаго процесса, тамъ была близость кипучей столицы, близость друзей, продолжавшихъ на волѣ борьбу, и тюрьма жила ихъ жизнью, волновалась ихъ надеждами и ожиданіями. Но четыре почти года хроническаго маразма, какой представляетъ жизнь ссыльно-каторжной, ея живая натура выдержать не могла. Къ нравственной измученности присоединилось полное разстройство физическихъ силъ. Когда она прибыла въ Ишимъ, ея слабое отъ природы здоровье было уже надломлено долгимъ одиночнымъ заключеніемъ. Въ ссылкѣ же оно расшаталось окончательно, вслѣдствіе той обстановки, въ которой она должна была жить. Родители ея, стѣсненные въ денежныхъ средствахъ, не могли высылать ей много, съ другой стороны, крайняя деликатность заставляла ее отказывать себѣ въ послѣднемъ, чтобы только не стѣснять своихъ стариковъ. Самостоятельныхъ источниковъ заработка въ Ишимѣ не было никакихъ; пользоваться же суммами изъ кассы для ссыльныхъ она не желала. Четыре года жизни почти впроголодь при здоровьѣ, требовавшемъ самыхъ тщательныхъ заботъ, не могли, разумѣется, пройти даромъ; у нея развилась сильная анемія, сопровождаемая головными болями и общимъ нервнымъ разстройствомъ.

Въ такомъ состояніи была она, когда 25-го декабря 1880 года ей удалось бѣжать изъ Ишима.

Мысль о бѣгствѣ не покидала ее съ самаго дня ея водворенія на мѣстѣ ссылки. Будучи естественнымъ проявленіемъ живой натуры вначалѣ, она становится ея маніей, ея idée fixe, по мѣрѣ того, какъ ссылка начинаетъ охватывать ее своей мертвенной атмосферой. Въ 1878 и 79 гг., она ведетъ переговоры объ этомъ съ петербургскимъ кружкомъ «Земля и Воля», сгорая желаніемъ поскорѣй осуществить свою единственную мечту.

Но вотъ, наконецъ, она вырывается на свободу и, ускользнувъ отъ погони, является среди своихъ ликующихъ товарищей; она хочетъ броситься въ самый водоворотъ революціонной дѣятельности, чтобы вознаградить себя за такое долгое ожиданіе... Но тутъ она дѣлаетъ вдругъ ужасное открытіе, она замѣчаетъ, что она опустилась, ослабѣла, что она уже не та, чѣмъ была прежде. До сихъ поръ она не замѣчала и не могла замѣтить этого, потому что ссыльное прозябаніе не представляло случаевъ къ серьезному проявленію какихъ-бы то ни было силъ. Если же и тамъ у нея мелькало иногда въ головѣ мучительное подозрѣніе, она спѣшила отогнать его прочь. Здѣсь отогнать его было невозможно, потому что его подсказывала самая жизнь. Потрясенное воображеніе преувеличиваетъ ея несчастія. И вотъ полная ужаса и отчаянія, схватившись руками за покрытую холоднымъ потомъ голову, она произноситъ себѣ ужасный приговоръ: она разбитый, она никуда больше негодный человѣкъ.

Однако, она еще не вѣритъ этому, она попробуетъ,—можетъ быть, это пройдетъ. Товарищи звали ее въ Петербургъ. Но она не хочетъ, не можетъ ѣхать къ нимъ: ей слишкомъ тяжело показаться имъ въ такомъ видѣ,—быть можетъ, прочесть на ихъ лицахъ выраженіе обманутой надежды. И вотъ она покидаетъ Казань, первый большой городъ, куда она попала, и забивается въ глушь, въ провинціальную трущобу, подальше отъ всѣхъ.

Но что могла сдѣлать она при своемъ убійственномъ настроеніи, одинокая, больная, безъ средствъ и поддержки? Всѣ попытки ея были заранѣе осуждены на неудачу. И каждая такая маленькая неудача была новой раной въ ея и безъ того истерзанной груди. И все-таки цѣлыхъ полтора года мы-

калась она по Россіи послѣ своего бѣгства, надрывая послѣднія силы.

Когда она пріѣхала, наконецъ, за границу, это уже была тѣнь живого человѣка. Анемія достигла такой степени, что она не могла уже ничего почти читать, потому что засыпала отъ усталости на первыхъ страницахъ; работа вываливалась у нея изъ рукъ, и она только истощала себя усиліями заставить себя что-нибудь дѣлать. Ничѣмъ невозможно было разогнать ея мрачнаго, безнадежнаго отчаянія. Она махнула на себя рукой, она окончательно рѣшила, что она человѣкъ, погибшій для дѣла, и горькимъ смѣхомъ отвѣчала на увѣренія въ противномъ. А что же было у нея внѣ дѣятельности, которой отдала она всю свою душу?... Иногда она старалась бодриться, шутила, смѣялась. Но вдругъ среди разговора, глаза ея наполнялись слезами и крупныя капли ихъ, одна за другой, падали изъ нихъ. Не разъ ее заставали рыдающей, уткнувъ лицо въ подушку.

Катастрофа разразилась 13-го апрѣля въ семь часовъ вечера. Два раза револьверъ давалъ осѣчку—но безжалостной рукой она взвела курокъ въ третій... Раздался выстрѣлъ; пуля попала, какъ оказалось, въ сердце, но засѣла въ его стѣнкѣ, не пробивши ея. Раненая упала на постель, и, несмотря на страшную боль, у нея хватило твердости въ теченіе двухъ часовъ не издать ни звука, не прикоснуться къ шнурку звонка, висѣвшему надъ ея изголовьемъ: она хотѣла истечь кровью. Только въ девять часовъ, вернувшись домой, хозяйка случайно вошла въ комнату за какой-то корзинкой, и первая подняла тревогу.

Раненая была тотчасъ перенесена въ кантональную больницу. Во время долгой агоніи въ ней не проснулась жажда жизни, какъ обыкновенно бываетъ послѣ неудачныхъ покушеній: она была молчалива, спокойна, замѣчательно терпѣлива и выражала только одно желаніе: «поскорѣе бы все это кончилось».

Двадцать шестого, въ десять часовъ вечера Софіи Бардиной не стало.

Ея скорбная Голгофа кончена. За «простую исповѣдь своихъ убѣжденій», за проповѣдь того, что по ея словамъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ міра свободно провозгла-

шается на площадяхъ и стогнахъ, ее замучили, отравили медленными муками тюрьмы и ссылки. Убійство совершилось тихо, незамѣтно, не вызвавши, какъ всенародныя казни, ни негодующихъ статей въ вольной иностранной прессѣ, ни протестовъ и демонстрацій свободолюбивыхъ людей, ни даже простой газетной замѣтки. Но на родинѣ, которую она такъ горячо любила, на родинѣ, за которую она столько выстрадала, имя ея слишкомъ громко. Сквозь заставы и цензуру, сквозь рѣшетки и рогатки дойдетъ туда вѣсть о ея безвременной кончинѣ, дойдетъ и повѣсть о ея жизни и страданіяхъ. И пробудитъ она воспоминаніе о той чистой, апостольски-самоотверженной дѣвушкѣ, которая когда-то заставляла проливать слезы умиленія, и желчью и ядомъ станутъ теперь эти слезы. Нѣтъ, не вся она умерла. Ея страдальческій образъ будетъ жить въ памяти людей, и, быть можетъ, не въ одной молодой душѣ зажжетъ онъ жажду мести.

Но что сказать о тѣхъ сотняхъ и тысячахъ другихъ страдалицъ и страдальцевъ, томящихся въ той же Сибири? О тѣхъ, которымъ не дано было совершить ничего великаго въ жизни, которые похоронили тамъ и свою чистую любовь къ людямъ, и свои, быть можетъ, крупныя дарованія, не оставивъ потомству даже имени?

Сосчитайте ихъ, если можете: вѣдь каждый годъ тысячи идутъ въ эту страну погибели, никогда не возвращающую своихъ жертвъ. И все это вѣдь лучшія силы нашей родины, соль нашей земли!

Взгляните на унылое необъятное кладбище, именуемое Россіей. Скажите, гдѣ наши поэты? гдѣ наши художники, гдѣ публицисты? Какъ старые пни среди выжженнаго лѣса, доживаютъ свой вѣкъ великіе старцы, сыны минувшихъ поколѣній. А гдѣ ихъ наслѣдники? Гдѣ наши Пушкины, Гоголи, Бѣлинскіе?—Тамъ, тамъ похоронены они заживо,—тамъ, въ этихъ дикихъ юртахъ изнываютъ они, завидуя товарищамъ, погибшимъ на висѣлицѣ.

— Тяжкое зрѣлище. Несчастная страна. Но кто же виною всѣхъ этихъ бѣдствій? Кто?..

Рѣчь Софьи Илларіоновны Бардиной[1]).

Не отрицая факта пропаганды на фабрикѣ Лазарева, я никакъ не могу согласиться съ обвиненіемъ, причисляющимъ меня къ организаціи: я не могла къ ней принадлежать уже по одной той причинѣ, что тогда (въ апрѣлѣ) этой организаціи, какъ видно, еще не существовало. Само обвиненіе колеблется назвать апрѣльскую группу подсудимыхъ организованнымъ тайнымъ обществомъ и говоритъ только, что это было какое-то ядро, какой-то зародышъ, изъ остатковъ коего впослѣдствіи выросла организація. Я не знаю, подъ какую вообще статью подводятся зародыши будущихъ организацій, не знаю, составляли ли другіе подсудимые такой зародышъ или же организованное общество; знаю только хорошо, что я лично дѣйствовала совершенно самостоятельно, не сообразуясь съ какой-либо программой, выработанной какимъ-либо тайнымъ обществомъ. Обвиненіе опирается на фактъ моего знакомства съ нѣкоторыми подсудимыми, принадлежавшими впослѣдствіи къ этой организаціи, но здѣсь уже было прекрасно доказано многими, что фактъ знакомства не можетъ служить признакомъ принадлежности къ тайному обществу, такъ что мнѣ ничего больше не остается говорить объ этомъ. Обвиненіе напираетъ на совмѣстное будто бы проживательство всѣхъ подсудимыхъ апрѣльской группы, но изъ судебнаго слѣдствія выяснилось, что всѣ они имѣли свои собственныя квартиры, или проживали въ то время на фабрикахъ, а, слѣдовательно, не могли одновременно проживать у меня. Въ Сыромятникахъ вмѣстѣ съ другими я также не могла проживать по той простой причинѣ, что въ то самое время жила на фабрикѣ Лазарева, и сама свидѣтельница Дарья Скворцова показала, если особое присутствіе потрудится припомнить, что къ ней раньше всѣхъ явились двѣ женщины, Аннушка и Маша, которыя въ то время жили на машинахъ, т. е. на фабрикахъ. Между тѣмъ съ московскихъ фабрикъ отпускаютъ рабочихъ только по праздникамъ до 10 часовъ вечера, слѣдова-

---

[1]) См. Б. Базилевскій. „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“, т. II. Въ офиціальномъ правительственномъ отчетѣ о процессѣ 50-ти, какъ о рѣчи Бардиной, такъ и о рѣчахъ другихъ подсудимыхъ (Петра Алексѣева, Здановича и Агапова) не было упомянуто ни звука.

тельно, я въ крайнемъ случаѣ могла приходить въ Сыромятники по праздничнымъ днямъ, но не жить тамъ. Обвиненіе считаетъ мою квартиру въ д. Корсакъ однимъ изъ революціонныхъ притоновъ, но я напомню особому присутствію, что въ такого рода мѣстахъ, обыкновенно, встрѣчается цѣлый складъ книгъ, шифрованная и нешифрованная переписка, адресы, химическіе реактивы и т. п.; у меня же не найдено ни одной революціонной книги, ни взято ни до, ни послѣ ареста шифрованной переписки и даже абсолютно никакой переписки, ни одного документа, изъ котораго можно бы было заключить о моей принадлежности къ какому-либо тайному обществу. Обвиненіе весьма смѣло утверждаетъ, что въ письмѣ отъ 26 іюля, найденномъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, упоминается моя фамилія, но обвиненіе, вѣроятно, забыло: тамъ моей фамиліи не находится, а упоминается какая-то кличка, которую обвиненіе, неизвѣстно почему, приписываетъ мнѣ. Я еще во время судебнаго слѣдствія имѣла удовольствіе просить обвинительную власть указать мнѣ тѣ основанія, опираясь на которыя, она приписываетъ мнѣ эту кличку, но обвинительная власть не сочла нужнымъ этого сдѣлать, и я остаюсь въ прежнемъ недоумѣніи относительно этого обстоятельства. Въ томъ письмѣ говорится, что «тетка сидитъ въ Городской» и что «ей кто-то послалъ письмо, а она его изорвала», но, вѣдь, въ Городской сидѣла тогда не одна я— это разъ; во-вторыхъ, авторъ письма могъ ошибиться: ему могли сказать, что искомая имъ личность сидитъ въ Городской, тогда какъ ея могло тамъ и не быть. Такого рода ошибки могли легко случиться. Наконецъ, предположимъ даже, что эта кличка принадлежитъ мнѣ, что меня искали, обо мнѣ справлялись, но, вѣдь, въ программѣ лицъ, которымъ принадлежитъ это письмо, не сказано, что слѣдуетъ заводить сношенія только съ арестованными членами своей организаціи, а вообще съ заключенными—это разъ; кличка же сама по себѣ ничего не доказываетъ, ибо опять въ той же самой программѣ не говорится, чтобы слѣдовало исключительно давать клички членамъ своей организаціи: онѣ могли даваться и прочимъ знакомымъ. Что это такъ и было — доказываетъ слѣдующій фактъ: въ томъ же, кажется, письмѣ отъ 26 іюля говорится: «Одесская община предлагаетъ принять Санчо въ нашу организацію», слѣдовательно, личность, извѣстная подъ названіемъ Санчо, носила эту, какъ говоритъ обвиненіе, кличку

ранѣе, чѣмъ она стала членомъ организаціи — слѣдовательно, какъ простой знакомый. Я думаю, что доказательнѣе этого факта трудно что-нибудь представить въ данномъ случаѣ. Подобныя клички давались даже властямъ, такъ, напримѣръ, въ одномъ письмѣ было сказано, что четвероногіе дѣлали допросъ о томъ-то. Такимъ образомъ, строя обвиненіе на кличкахъ, приходится и лицъ, производившихъ дознаніе, причислить къ преступной организаціи... Я отказываюсь отъ чести принадлежать къ этой организаціи не изъ страха наказанія, ибо противъ меня существуютъ болѣе вѣскія обвиненія, которыхъ я и сама не отрицаю, но я защищаюсь теперь потому только, что это мнѣ кажется пристрастнымъ, если не нелогичнымъ, пристрастнымъ и несправедливымъ даже съ юридической точки зрѣнія [1]).

Я, съ своей точки зрѣнія, ни въ чемъ не считаю себя виновной и подлежащей наказанію, ибо никакого вреда обществу или народу принести не желала и не принесла, надѣюсь, Конечно, меня такъ же, какъ и другихъ подсудимыхъ, обвиняютъ въ стремленіи разрушить священные основы собственности, семьи, религіи, государства, въ возбужденіи къ бунту и стремленіи водворить анархію въ обществѣ. Все это было бы весьма ужасно, если бы было справедливо, но дѣло въ томъ, что всѣ эти обвиненія основаны на одномъ недоразумѣніи, которое я и постараюсь теперь объяснить, если судъ меня выслушаетъ.

Собственности я никогда не отрицала. Напротивъ, я осмѣливалась даже думать, что я защищаю собственность, ибо признаю, что каждый человѣкъ имѣетъ право на собственность, обезпеченную его личнымъ производительнымъ трудомъ, и что каждый человѣкъ долженъ быть полнымъ хозяиномъ своего труда и его продукта. И скажите послѣ этого, — я ли, имѣя такіе взгляды, подрываю основы собственности, или тотъ фабрикантъ, который, платя рабочему за одну треть его рабочаго дня, двѣ трети беретъ даромъ? Или тотъ спекуляторъ, который, играя на биржѣ, разоряетъ тысячи семействъ, обогащаясь на ихъ счетъ и самъ не производя ничего? — Ком-

---

[1]) Въ этой первой части Бардина, просто и логично развивая „несправедливые и пристрастные“ выводы обвинительной власти, стоитъ на почвѣ обвинительнаго акта и пользуется только данными, добытыми дознаніемъ. Отъ защиты С. И. Бардина отказалась, и эта рѣчь была сказана 10 марта, когда ей было предоставлено судомъ послѣднее слово.

мунизма, какъ нѣчто обязательное, ни я, ни кто другой изъ пропагандистовъ также не проповѣдуе ъ. Мы только выставляемъ на первый планъ право рабочаго на полный продуктъ его труда. Затѣмъ, какъ онъ распорядится съ этимъ продуктомъ,—обратитъ ли его въ общую или частную собственность,—это ужъ его дѣло. Мы этихъ вопросовъ предрѣшать теперь не беремся и не можемъ предрѣшать, принимая во вниманіе, что такой строй можетъ осуществиться только въ далекомъ будущемъ и что подобныя детали могутъ быть выработаны только практикой.

Относительно семьи я также не знаю, подрываетъ ли ее тотъ общественный строй, который заставляетъ женщину бросать свою семью и идти для жалкаго заработка на фабрику, гдѣ неминуемо развращаются и она, и ея дѣти, тотъ строй, который вынуждаетъ женщину, вслѣдствіе нищеты, бросаться въ проституцію, и который даже санкціонируетъ эту проституцію, какъ явленіе законное и необходимое во всякомъ благоустроенномъ государствѣ; или подрываемъ семью мы, которые стремимся искоренить эту нищету, служащую главнѣйшей причиной всѣхъ общественныхъ бѣдствій, въ томъ числѣ и разрушенія семьи.

Относительно религіи я могу сказать только, что я всегда оставалась вѣрна ея духу и существеннымъ ея принципамъ въ томъ ихъ чистомъ видѣ, въ какомъ они проповѣдывались самимъ Основателемъ христіанства. Кромѣ того, должно замѣтить, что ни одинъ свидѣтель и не говорилъ, что ему пропагандировали что-либо относительно религіозныхъ вопросовъ, чтобы отрицали Бога и т. п. Свидѣтельница Дарья Скворцова говоритъ, напримѣръ: «Бога-то на небесахъ они признавали, только личность его не признавали», т. е. относились безразлично къ нѣкоторымъ обрядамъ церкви, къ почитанію иконъ и т. п. Поэтому о религіи я ничего больше говорить не буду.

Въ подрываніи государства я столь же мало виновата. Я вообще думаю, что усилія единичныхъ личностей подорвать государства не могутъ. Если государства разрушаются, то это обыкновенно происходитъ отъ того, что они сами въ себѣ носятъ зародыши разрушенія. Такъ, напримѣръ, древнія государства исчезли съ лица земли, ибо они были основаны на рабствѣ, на такомъ базисѣ, который, какъ давно извѣстно, не способствуетъ развитію обществъ.

Конечно, если какое-нибудь данное государство держитъ

свой народъ въ политическомъ, экономическомъ и умственномъ рабствѣ, если оно массой неоплатныхъ податей, капиталистической эксплоатаціей рабочаго и другими ненормальными экономическими и политическими отношеніями доводитъ его до нищеты, болѣзней, преступленія,—то, конечно, говорю я, такое государство само себя ведетъ къ гибели, но въ этомъ уже не виноваты единичныя личности и группы, а слѣдовательно, не за что ожесточенно преслѣдовать и наказывать ихъ. Въ противномъ же случаѣ, т. е. если государство находится въ совершенно благонадежномъ состояніи, то усилія этихъ лицъ не могутъ грозить ему ровно никакой опасностью, слѣдовательно, наказывать ихъ опять-таки не представляется никакой надобности. Вотъ почему для меня совершенно непонятна логика обвинительной власти, говорящей, что, «конечно, опасности для государства тутъ никакой не можетъ быть», но что «опасность все-таки существуетъ»!.. Мнѣ кажется, рѣшеніе этой дилеммы можетъ быть только одно.

Меня обвиняютъ въ возбужденіи къ бунту. Но къ непосредственному бунту я никогда не возбуждала народъ и не могла возбуждать, ибо полагаю, что революція можетъ быть результатомъ цѣлаго ряда историческихъ условій, а не подстрекательства единичныхъ личностей. Рѣзня сама по себѣ для меня, конечно, совсѣмъ нежелательна. Я вовсе не имѣю тѣхъ кровожадныхъ и свирѣпыхъ наклонностей, которыя всякое обвиненіе охотно приписываетъ всѣмъ пропагандистамъ. Если бы тотъ идеальный общественный строй, о которомъ мы мечтаемъ, могъ быть осуществленъ безъ всякаго насильственнаго переворота, то, конечно, мы всѣ были бы рады этому отъ души.

Я полагаю только, что насильственная революція, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, есть неизбѣжное зло, которое должно исчезнуть рано или поздно, помимо даже всякихъ усилій отдѣльныхъ лицъ или группъ... (сенаторъ Петерсъ замѣчаетъ, что эти разсужденія нейдутъ къ дѣлу). Я желаю только изложить свой взглядъ на революцію и пропаганду: думаю, что мои взгляды совпадаютъ со взглядами многихъ другихъ подсудимыхъ, и что поэтому мое объясненіе будетъ небезполезно, если выставить гг. судьямъ пропагандистовъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ.

Я, господа, принадлежу къ разряду тѣхъ людей, которые между молодежью извѣстны подъ именемъ мирныхъ пропаган-

дистовъ. Задача ихъ—внести въ сознаніе народа идеалы лучшаго, справедливѣйшаго общественнаго строя, или же уяснить ему тѣ идеалы, которые уже коренятся въ немъ безсознательно, указать ему недостатки настоящаго строя, дабы въ будущемъ не было тѣхъ же ошибокъ; но когда наступитъ это будущее, мы не опредѣляемъ и не можемъ опредѣлить, ибо конечное его осуществленіе отъ насъ не зависитъ. Я полагаю, что отъ такого рода пропаганды до подстрекательства къ бунту еще весьма далеко. Обвиненіе говоритъ, что мы желаемъ уничтожить классы, и понимаетъ это въ такомъ смыслѣ, что мы хотимъ поголовно вырѣзать всѣхъ помѣщиковъ, дворянъ, чиновниковъ, купцовъ и всѣхъ богатыхъ вообще. Но это опять-таки недоразумѣніе. Мы стремимся уничтожить привилегіи, обусловливающія раздѣленіе людей на классы — на имущихъ и неимущихъ, но не самыя личности, составляющія эти классы. Я полагаю, что нѣтъ даже физической возможности вырѣзать такую массу людей, если бы у насъ и оказались такія свирѣпыя наклонности. Мы не хотимъ также основать какое-то царство рабочаго сословія, какъ сословія, которое, въ свою очередь, стало бы угнетать другія сословія, какъ то предполагаетъ обвиненіе. Мы стремимся ко всеобщему счастью и равенству постольку, поскольку оно не зависитъ, конечно, отъ личныхъ особенностей, отъ особенностей темперамента, пола, возраста и т. п. Это можетъ показаться утопичнымъ, но, во всякомъ случаѣ, ужъ кровожаднаго-то и безнравственнаго здѣсь ничего нѣтъ. На Западѣ такого рода пропаганда ведется каждодневно и рѣшительно никого не поражаетъ своимъ радикализмомъ, не смущаетъ умы и не волнуетъ общества,— можетъ быть, потому, что тамъ давно привыкли обсуждать всѣ подобные вопросы гласнымъ образомъ, публично...

Обвиненіе называетъ насъ политическими революціонерами; но если бы мы стремились произвести политическое coup d'état, то мы не такъ стали бы дѣйствовать; мы не пошли бы въ народъ, который еще нужно подготовлять да развивать, а стали бы искать и сплачивать недовольные элементы между образованными классами. Это было бы цѣлесообразнѣе, но дѣло-то именно въ томъ, что мы къ такому coup d'état вовсе не стремимся.

Обвиненіе говоритъ еще, что мы хотимъ водворить анархію въ обществѣ. Да, мы, дѣйствительно, стремимся къ анархическому устройству общества, но дѣло въ томъ, что это

слово въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ современная литература и я лично, вовсе не означаетъ безпорядка и произвола. Анархія, напротивъ, стремится водворить гармонію и порядокъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Она не есть произволъ личностей, ибо она признаетъ, что свобода одного лица кончается тамъ, гдѣ начинается свобода другого. Она есть только отрицаніе той утѣсняющей власти, которая подавляетъ всякое свободное развитіе общества.

Итакъ, разобравъ всѣ взводимыя на меня преступленія, я нахожу, что я, въ сущности, ни въ одномъ изъ нихъ не виновата. Но, какъ бы тамъ ни было и какова бы ни была моя участь, я, господа судьи, не прошу у васъ милосердія и не желаю его. Преслѣдуйте насъ, какъ хотите, но я глубоко убѣждена, что такое широкое движеніе, продолжающееся уже нѣсколько лѣтъ сряду и вызванное, очевидно, самимъ духомъ времени, не можетъ быть остановлено никакими репрессивными мѣрами... (Тутъ Петерсъ [1]) ее останавливаетъ и говоритъ: «Намъ совсѣмъ не нужно знать, въ чемъ вы «тамъ» убѣждены»). Оно можетъ быть подавлено на нѣкоторое время, но тѣмъ съ большей силой оно возродится снова, какъ это всегда бываетъ послѣ всякой реакціи подобнаго рода, и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока наши идеи не восторжествуютъ. Я убѣждена еще и въ томъ, что наступитъ день, когда даже и наше сонное и лѣнивое общество проснется, и стыдно ему станетъ, что оно такъ долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами, вырывать у себя своихъ братьевъ, сестеръ и дочерей и губить ихъ за одну только свободную исповѣдь своихъ убѣжденій! И тогда оно отомститъ за нашу гибель!.. Преслѣдуйте насъ, — за вами пока матеріальная сила, господа; но за нами сила нравственная, сила историческаго прогресса, сила идеи, а идеи—увы! на штыки не улавливаются!..

---

[1]) Подсудимые во время процесса вели себя непринужденно, свободно: еще въ началѣ судебнаго разбирательства дѣла С. Бардиной и П. Алексѣевымъ былъ сдѣланъ рядъ „рѣзкихъ“ заявленій, и тотъ же Петерсъ, какъ предсѣдатель суда скораго и милостиваго, грозилъ имъ вывести ихъ за эти заявленія изъ залы засѣданій суда.

М. Д. Субботина и Б. Каминская [1]).

Очаровательно прекрасные образы встаютъ предъ нами, когда мы всмотримся ближе въ этихъ добрыхъ, застѣнчивыхъ дѣвушекъ, умершихъ на расцвѣтѣ силъ и молодости. Но для насъ онѣ дороги не какъ исключительное явленіе высочайшей нравственной чистоты; онѣ дороги намъ, какъ типичныя представительницы цѣлой категоріи русскихъ женщинъ, тѣхъ женщинъ, которыя на вѣчныя времена составятъ гордость русской націи, тѣхъ женщинъ, которымъ столько обязано наше соціалистическое движеніе въ Россіи. Всѣ мы знали этихъ женщинъ; знали ихъ и какъ людей, и какъ дѣятелей. Поэтому мы имѣемъ полное право сказать, что Бетя Каминская или М. Д. Суботина были дѣйствительно типичными ихъ представительницами, а не явленіемъ исключительнымъ. Мало того, мы хорошо знаемъ, что въ средѣ этихъ женщинъ были очень многія, далеко превосходившія и ту, и другую въ искусствѣ веденія революціонной пропаганды: нѣкоторыя имѣли въ народѣ поистинѣ замѣчательный успѣхъ, такой успѣхъ, какой только допускается тѣсными границами этого способа дѣйствій.

Но въ одномъ только никто не могъ превзойти Каминскую и Субботину: это въ той глубокой, беззавѣтной любви и преданности своему дѣлу, которымъ проникнуто было все ихъ существо; это въ томъ безпредѣльномъ самоотверженіи, которымъ дышитъ всякій ихъ поступокъ. Говоря такъ, мы нисколько не умаляемъ этихъ качествъ прочихъ женщинъ революціоннаго кружка. Эти женщины имѣли каждая свою индивидуальную физіономію. Однѣ выдѣлялись своимъ сильнымъ, яснымъ умомъ, другія—непреклонной настойчивостью, какъ М. Д. Субботина, третьи—удалью и храбростью, четвертыя—пламеннымъ энтузіазмомъ, какъ Бетя Каминская.

Но у всѣхъ ихъ была общая черта: это ихъ высокія нравственныя качества, ихъ безграничная преданность и самоотверженіе. И всѣмъ имъ пришлось во время ихъ дѣятельности пройти сквозь одинаковыя мученія, бороться съ одинаковыми трудностями.

Поэтому, читая біографію Бети Каминской и М. Д. Суб-

---

[1]) Біографіи М. Д. Субботиной и Б. Каминской, неизвѣстнаго автора, первоначально были напечатаны въ „Общинѣ“. „Община“—соціально-революціонное заграничное изданіе, выходившее въ 1878—79 гг. (№ № 1—9); въ этомъ изданіи принимали участіе Ралли, Клеменсъ, Жуковскій, Кравчинскій, Черкезовъ, Аксельродъ, Драгомановъ, Стефановичъ. (См. *В. Бурцевъ*. „За сто лѣтъ“).

*

ботиной, мы на половину узнаемъ біографію всѣхъ этихъ женщинъ;—мало того, біографію той массы женщинъ, которая прошла предъ нашими глазами въ многочисленныхъ процессахъ, которая работала и впослѣдствіи въ средѣ соціалъ-революціонной партіи.

Марія Дмитріевна Субботина.

Марія Дмитріевна [1]), средняя сестра изъ трехъ Субботиныхъ, судившихся въ процессѣ московской группы соціалистовъ, родилась въ 1854 г. и воспитывалась въ Орловской губерніи. Росла она подъ непосредственнымъ руководствомъ матери, такъ какъ отца она лишилась на пятомъ году. Система воспитанія въ домѣ отличалась отъ обычной рутины съ гувернантками—француженками и нѣмками—только тѣмъ, что мать предоставляла дѣтямъ почти полную свободу и рано пріучила ихъ къ труду и къ простотѣ въ жизни. Мать пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы ознакомить дѣтей съ окружавшей ихъ дѣйствительностью; поэтому-то рядомъ съ занятіями музыкой и проч., шли занятія по хозяйству не только домашнему, но и сельскому; рядомъ съ наставленіями о приличіяхъ и неприличіяхъ, дѣтямъ дозволялось играть съ крестьянскими ребятишками. Часто цѣлые зимніе вечера Марія Дмитріевна проводила въ людской, слушая то чудныя сказки о богатыряхъ и мученикахъ, то трагическую правду жизни крѣпостныхъ, то задушевныя мелодіи народныхъ пѣсенъ. Тринадцатилѣтней дѣвочкой она уже помогала матери въ управленіи имѣніемъ: чередуясь съ сестрами, исполняла обязанности ключницы, ѣздила въ поле на сѣнокосъ и жнитво, вела расчеты съ артелями наемныхъ рабочихъ, приготовляла лѣкарства для крестьянъ, которыхъ мать лѣчила; въ то же время она готовилась въ гимназію. Жизнь семьи была простая, трезвая, дѣятельная, безъ всякаго слѣда салонныхъ увеселеній.

Марія Дмитріевна была кроткою, тихою дѣвочкой, крайне впечатлительна и серьезна. Рѣдко выпадали на ея долю выговоры и наказанія,—ее прозвали «благоразуміемъ»; рѣдко вызывала она кого-нибудь на ссору; а если, бывало, кто обидитъ ее, она горько плакала. При ея болѣзненной нервности каждый выговоръ, каждое замѣчаніе, принимавшееся очень

---

[1]) Дочь штабсъ-капитана.

легко ея сестрами, глубоко оскорбляли ее. Мать страдала глядя на такую нервность дочери, но помочь этому не находила средствъ. Родня и сосѣди говорили про нее, что она осчастливитъ будущаго мужа, будетъ примѣрною матерью, и пророчили ей мирную жизнь въ тепломъ семейномъ гнѣздышкѣ. Но родные ошиблись.

Тринадцати лѣтъ Марія Дмитріевна съ семействомъ переѣхала въ Москву и поступила въ гимназію. Здѣсь ей пришлось вести жизнь, рѣзко отличавшуюся отъ деревенской. Московская родня и знакомые были люди богатые и свѣтскіе. Вступила въ свѣтъ и она: стала выѣзжать на вечера, въ театръ, дѣлать визиты, принимать гостей у себя. Но этотъ шумъ и блескъ, это оживленіе не увлекли серьезную дѣвушку,—свѣтская суета напротивъ тяготила ее. Салонные кавалеры съ удивленіемъ замѣчали, что, несмотря на всѣ ихъ усилія, Марья Дмитріевна ни разу не улыбнется, не отдастся веселью; а на безсодержательную свѣтскую болтовню г.г. кавалеровъ часто давала тѣ отвѣты, о которыхъ говорятъ: «точно ушатомъ холодной воды тебя обдало». И въ «свѣтѣ» начали говорить, что съ ней надобно быть осторожнымъ, что она «загадочная натура, олимпійская богиня, которой чужды земныя страсти», и т. п. вздоръ. Какъ «свѣтъ», точно такъ же и гимназія мало вліяла на характеръ и развитіе Марьи Дмитріевны. Она не обладала блестящими способностями, но занималась толково и добросовѣстно, не гналась за хорошими баллами. Между учителями гимназіи было два, три добросовѣстныхъ человѣка, умѣвшихъ внушить ученицамъ, что наука далеко не скучная матерія, и имѣть хорошія отмѣтки за уроки еще не значитъ заниматься наукой. Гимназическое начальство, по обычаю, бдительно слѣдило за направленіемъ умовъ своихъ питомицъ и было недовольно воспитанницами старшихъ классовъ, хотя между воспитанницами вольнодумства и превратныхъ идей не водилось. Весь опасный духъ заключался въ сочувствіи женскому вопросу, въ небрежности къ урокамъ закона божія, въ предпочтеніи естественныхъ наукъ языкамъ и beaux arts, въ уваженіи къ имени Дарвина; а главное—въ поведеніи воспитанницъ начальство напрасно искало бы благонравія; что-то протестующее, какая-то дерзкая критика чуялась во всемъ этомъ высокимъ особамъ. Марья Дмитріевна была изъ «подозрительныхъ». Будучи въ старшихъ классахъ она познакомилась съ нѣсколькими студентами, людьми развитыми и начитанными, хотя

далеко не радикалами. Въ гостинной Субботиныхъ теперь рѣчь заходила о положеніи народа, о пролетаріатѣ, ассоціаціяхъ, о Чернышевскомъ, Михайловѣ, о Нечаевскомъ процессѣ. Не все въ рѣчахъ студентовъ было искренно, но эти рѣчи западали глубоко въ душу Марьи Дмитріевны. Горько было замѣчать ей неискренность въ словахъ этихъ людей; особенно горько было сознаніе, что въ устахъ ихъ хорошее было пустою фразой; тяжело становилось ей среди нихъ. «Подальше бы отсюда,— думалось ей.—Туда, гдѣ есть живые люди, живое дѣло». Ей оставался еще годъ до выхода изъ гимназіи, когда старшая сестра ея собралась въ Цюрихъ. Марья Дмитріевна разочла, что тратить время и здоровье на зубрежку въ гимназіи не выгодно и рѣшилась отправиться вмѣстѣ съ сестрой съ тѣмъ, чтобы тамъ, при помощи учителей, готовиться къ университету. Былъ у нея и другой планъ: добиться разрѣшенія слушать лекціи въ Петровской Земледѣльческой Академіи. Но хлопоты могли затянуться надолго и кончиться отказомъ, а дорога въ Цюрихъ была открыта; поэтому она и выбрала послѣднее. Надобно замѣтить, что мысль о поѣздкѣ въ Цюрихъ возникла у нея отнюдь не подъ вліяніемъ постороннихъ; это намѣреніе отъ постороннихъ скрывалось даже.

Первые мѣсяцы по пріѣздѣ въ Цюрихъ Марья Дмитріевна не имѣла знакомства среди тамошней русской молодежи и не добивалась этого знакомства: благодаря сплетнямъ и враждебному отношенію туземцевъ къ русскимъ женщинамъ, она сочла нужнымъ быть осторожной. И какъ жестоко скучала она это время! Красота природы и хорошія книги—дѣло хорошее, но онѣ не могли замѣнить ей всего; ее мучило отсутствіе общества, хорошихъ и близкихъ знакомыхъ. Въ швейцарцахъ и ихъ пресловутой свободѣ она скоро разочаровалась: узкость ихъ воззрѣній, ихъ тупое самодовольство возмущало ее. «Въ деспотической Россіи живется легче,—говорила она,—нѣтъ такого гнета рутины и обычая, какъ въ свободной Швейцаріи». Сближеніе ея съ молодежью началось съ пріѣзда Лаврова. Посѣщая его лекціи, библіотечныя собранія, засѣданія кассы для нуждающихся студентокъ, Марья Дмитріевна разглядѣла ближе крайне разнообразную толпу русскихъ въ Цюрихѣ и ядро этой толпы—эмиграцію. Марья Дмитріевна не выдавалась въ этой толпѣ ничѣмъ: она слишкомъ дорожила самостоятельностью, слишкомъ была умна, чтобы добиваться чести фигурировать въ хвостѣ одной изъ тогдашнихъ, цюрихскихъ знаме-

нитостей,—въ ней не было пустого тщеславія, желанья играть видную роль. Но не было ни одного живого и дѣльнаго предпріятія, въ которомъ бы она не принимала дѣятельнаго участія, не жалѣя ни времени, ни силъ, не останавливаясь предъ жертвами и опасностями. На совмѣстномъ чтеніи рефератовъ она познакомилась съ небольшимъ кружкомъ молодыхъ дѣвушекъ, тѣсно сблизилась съ ними, сердечно къ нимъ привязалась и уже болѣе не разлучалась съ ними ни на волѣ, ни въ тюрьмѣ. Этихъ дѣвушекъ сроднила ихъ нравственная чистота въ жизни, почти одинъ уровень ихъ умственнаго развитія и стремленіе—путемъ развитія приготовить изъ себя полезныхъ и умѣлыхъ борцовъ за освобожденіе порабощенныхъ классовъ. Въ этомъ сплоченномъ кружкѣ дѣвушекъ, на ряду съ занятіями по медицинѣ и естествознанію, шли болѣе усердныя чтенія по рабочему вопросу. Прочитывались чуть ли не всѣ рабочія газеты, составлялись рефераты по сочиненіямъ соціалистовъ, посѣщались рабочія собранія, конгрессы Интернаціонала, отдавались послѣдніе гроши на помощь стачечникамъ и на другія потребности рабочаго движенія.

Марья Дмитріевна имѣла значительное состояніе и не только не позволяла себѣ роскошничать, но часто отказывала себѣ въ самомъ необходимомъ. Захворавъ воспаленіемъ легкихъ, она по выздоровленіи не послушалась совѣта доктора ѣхать на полгода въ Ниццу, говоря, что не считаетъ себя въ правѣ такъ много тратить на себя. Она часто сидѣла по цѣлымъ мѣсяцамъ безъ обѣдовъ, отдавъ всѣ свои деньги на какое-нибудь полезное предпріятіе; жила она въ крайне скромной, даже въ бѣдной обстановкѣ. Такъ жила она въ Цюрихѣ. Послѣ извѣстнаго указа цюрихскимъ студенткамъ оставить университетъ и возратиться въ Россію, она переѣхала въ Парижъ, гдѣ и слушала медицинскій курсъ. И въ Парижѣ потекла та же дѣятельная, трудовая жизнь, полная добровольныхъ лишеній въ ущербъ и безъ того разстроенному здоровью. Но занятія медициной не могли замѣнить ей потребность живой общественной дѣятельности, и жизнь на чужбинѣ подъ часъ становилась невыносимой; ее тянуло въ деревню, на родину. А тутъ еще стали доноситься изъ Россіи слухи о повальныхъ арестахъ, о дикомъ гоненіи и травлѣ на молодежь за ея горячее сочувствіе нуждамъ и горестямъ народа, и въ умѣ Марьи Дмитріевны возникалъ невольно вопросъ: «чего же я-то здѣсь благодушествую, сидя за книгами, когда на родинѣ гибнутъ товарищи за свои

убѣжденія?»—Бороться съ ними и, если суждено, съ ними и погибнуть,—рѣшила она. Правда, ее удерживала за границей мысль, что она еще не готова къ такой важной дѣятельности: недоставало научныхъ знаній, мало было жизненнаго опыта. Но въ горячее время и малая сила дорога, да и слишкомъ тяжело было бы остаться безучастнымъ зрителемъ бѣлаго террора. Марья Дмитріевна рѣшила вернуться на родину.

Тяжелый ударъ ожидалъ ее здѣсь: мать [1]) и сестра сидѣли въ тюрьмѣ. Чуть ли не на станціи встрѣтили Марью Дмитріевну жандармы и потянули ее къ допросу по дѣлу матери—о распространеніи революціонныхъ идей между крестьянами и оскорбленіи личности царя. Участіе Марьи Дмитріевны въ этомъ дѣлѣ выразилось тѣмъ, что она въ письмѣ, найденномъ у матери, просила прислать ей денегъ на чужое имя въ Сербію. Проницательные прокуроры и жандармы сообразили, что Марья Дмитріевна своими деньгами поддерживала революціонную пропаганду. Логика!.. Марью Дмитріевну обязали подпиской о невыѣздѣ изъ Курска; семь мѣсяцевъ она высидѣла здѣсь почти что подъ домашнимъ арестомъ, изнывая отъ тоски, и насилу вырвалась изъ подъ надзора. Съ этого времени начался періодъ революціонной жизни и дѣятельности Марьи Дмитріевны. Но вольная, тревожная и дѣятельная жизнь чрезъ пять мѣсяцевъ привела и ее въ тюрьму [2])... Содержалась она въ Москвѣ. Извѣстны казематы московскихъ частей: сырые, холодные, безъ всякой вентиляціи, отвратительно грязные, освѣщенные отвратительными вонючими керасиновыми коптилками-ночниками. При такой губительной обстановкѣ здоровье Марьи Дмитріевны быстро разрушалось. Прибавьте къ этому тяжелое нравственное страданіе: она знала о гибели близкихъ и дорогихъ людей, ей пришлось похоронить свои дорогіе задушевные планы и надежды,—а попытки къ ихъ осуществленію уже были сдѣланы; много молодыхъ силъ, много средствъ было потрачено на то, и впереди, въ будущемъ, манила надежда на успѣхъ... И все рухнуло! А тутъ еще убійственно тяжелыя сомнѣнія, что въ этой гибели всего дорогого виноваты отчасти и сами участники въ дѣлѣ... Эти неотвязныя мысли давили ее, и негдѣ было разсѣять ихъ: однообразіе томительнаго одиночества, ни

---

[1]) Арестована была 14 сентября 1874 года.

[2]) М. Д. Субботина арестована была въ г. Орлѣ, въ августѣ 1875 года.

книгъ, ни работы. Единственнымъ развлеченіемъ было перестукиваніе съ сосѣдями. Но за эти попытки перекинуться парой словъ съ другимъ, подобнымъ ей страдальцемъ приходилось выслушивать грубую брань жандармовъ, угрозы оттаскать за волосы, дать затрещину и т. п. Однажды она слышитъ, что отворяется камера ея сосѣда, входитъ въ нее, звеня шпорами, жандармскій унтеръ, раздается громкій и рѣзкій разговоръ, затѣмъ удары, крики... «Его бьютъ!» подумалось Марьѣ Дмитріевнѣ. Она бросается къ двери, стучитъ что есть силы, кричитъ; тоже поднимается и въ другихъ камерахъ политическихъ арестантовъ. Но унтеръ не обращаетъ на это вниманія: замки-де крѣпки, пускай бѣсятся. Марья Дмитріевна и другіе, чтобы прекратить, во что бы то ни стало, кулачную расправу бьютъ оконныя стекла; шумъ дѣлается уличнымъ. Тогда унтеръ, оставивъ первую жертву идетъ усмирять «бунтовщиковъ». Войдя въ камеру къ Марьѣ Дмитріевнѣ, онъ уже собрался бить ее, но она вскочила на окно, схватила чайникъ съ кипяткомъ и закричала, что, если онъ хоть пальцемъ тронетъ ее, она ошпаритъ ему все лицо. Онъ сдается, крѣпко выругавшись. Арестованные написали о случившемся генералу Слезкину. Генералъ разсудилъ: Марью Дмитріевну посадить на сутки въ карцеръ на хлѣбъ и на воду, а потомъ перевести ее въ сѣверную башню острога. Сѣверная башня представляла какую-то чудовищную берлогу, совершенно не приспособленную къ человѣческому житью. Все пространство небольшой каморки занято чудовищной русской печкой, оставляя свободнымъ узкій проходъ только для одного человѣка. Печь была постоянно накалена, и въ камерѣ жара была невыносимая; въ то же время въ оконной рамѣ были громадныя щели, а въ дверяхъ—слуховое окно, такъ что, при страшно высокой температурѣ, въ камерѣ постоянно дулъ пронзительный, холодный, сквозной вѣтеръ. По вечерамъ пытка становилась еще мучительнѣе: лампа ужасно коптила, изъ нея сочился керосинъ на столъ, распространяя чадъ и зловоніе; крысы, клопы, блохи и тараканы не давали покоя всю ночь. Въ довершеніе всего, Марьѣ Дмитріевнѣ не дали ни книгъ, ни работы, не передавали писемъ, и сидѣла она въ башнѣ одна-одинешенька—кругомъ ни единой живой души. Она серьезно занемогла: постоянное лихорадочное состояніе, кровохарканье, упадокъ силъ. Она потребовала доктора. Тотъ явился, заставилъ себя долго прождать, выслушалъ ея разсказъ, пожалъ плечами и сказалъ,

что, къ сожалѣнію, онъ не можетъ лѣчить ее при такихъ условіяхъ. Смерть казалась неизбѣжной, но смерть медленная, мучительная. Марья Дмитріевна рѣшилась покончить разомъ, рѣшила избавиться отъ пытокъ медленной агоніи. Вечеромъ, когда принесли лампу, она вылила керосинъ на столъ, разлила по полу и зажгла, чтобы погибнуть и самой въ пламени. Но прибѣжали караульные жандармы и успѣли затушить огонь. Марья Дмитріевна уцѣлѣла. Она объяснила прямо цѣль поджога, но ее все-таки оставили въ башнѣ и продержали цѣлыхъ два мѣсяца. Она слабѣла съ каждымъ днемъ, по временамъ съ трудомъ поднимаясь съ постели.

Видя ея безнадежное состояніе, прокуратура, по усвоенной системѣ выпускать на поруки наканунѣ смерти, выпустила и Марію Субботину. Она просидѣла въ тюрьмѣ девять мѣсяцевъ. Но за что терзали ее? Какое тяжкое обвиненіе возводили на нее?—Все обвиненіе состояло въ томъ, что одинъ изъ арестованныхъ соціалистовъ просилъ Н. Н. увѣдомить Марью Дмитріевну о московскихъ арестахъ, и что въ другомъ заарестованномъ письмѣ говорилось о какой-то Манѣ, хлопотавшей о сапогахъ. По объясненію одного изъ жалкихъ трусовъ, сапоги должны были обозначать фальшивые паспорта, а прокуратура и жандармы утверждали, что «Маня» никто иная, какъ Марья Дмитріевна.—Болѣе слѣдствіемъ ничего не было открыто противъ нея.

Вышла Марья Дмитріевна на волю на поруки; и что же?—Она забыла о себѣ, не стала серьезно заниматься своей болѣзнью. Только и думы было у нея, что о томящихся въ неволѣ товарищахъ и родныхъ. Она вся отдалась хлопотамъ объ облегченіи ихъ участи. По цѣлымъ днямъ, не разгибая спины, шила она бѣлье для заключенныхъ, бѣгала за книгами, доставала денегъ, вела переписку и т. под. Между тѣмъ, разнесся слухъ, что скоро будетъ судъ по ея дѣлу. Ей предлагали бѣжать, не надѣясь на справедливость и здравый смыслъ суда, тѣмъ болѣе, что здоровье ея внушало серьезныя опасенія за ея жизнь. Марья Дмитріевна не соглашалась. Во-первыхъ, она была твердо увѣрена, что ее или оправдаютъ или приговорятъ къ пустому наказанію; во-вторыхъ, боялась своимъ побѣгомъ повредить другимъ: послѣ такихъ примѣровъ не стали бы отпускать на поруки. За мѣсяцъ до суда она была арестована вновь, явилась на судъ и, къ величайшему своему удивленію, была приговорена къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію

съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Въ виду ея здоровья впослѣдствіи ей замѣнили Томскую губ. Самарской. Но послѣ суда она еще восемь мѣсяцевъ томилась въ тюрьмѣ, напрасно ожидая отправки и все болѣе и болѣе хирѣя и слабѣя, безъ воздуха, въ тѣсной и душной клѣткѣ. Наконецъ, ее повезли въ Новоузенскъ. Надломленный организмъ не выдержалъ дальняго пути на почтовыхъ; въ Новоузенскѣ оправиться она уже не могла и, спустя три мѣсяца по пріѣздѣ, 8-го февраля 1878 года она скончалась совершенно одинокой, среди чужихъ людей, на двадцать четвертомъ году своей жизни. Несомнѣнно, что ссылка и недостатокъ ухода за больной ускорили ея конецъ.

Бетя Каминская [1]).

Бетя Абрамовна Каминская, дочь небогатаго, но зажиточнаго купца, еврея, родилась и первоначальное воспитаніе получила въ Мелитополѣ. Рано лишившись матери, она пользовалась въ семьѣ почти безграничной свободой. Будучи маленькой дѣвочкой, она цѣлые дни проводила на улицѣ, играя съ сосѣдними дѣтьми и съ рано развившеюся пытливостью всматриваясь въ неказистую обстановку окружающей жизни.

Но дѣтскія забавы и игры не долго занимали ее.

Выучившись урывками читать и писать у пріѣзжавшаго на каникулы дяди-гимназиста, она со всей страстностью своей натуры отдалась чтенію. Она читала безъ разбора все, что попадалось подъ руку. Рядомъ съ пустыми романами, она читала лучшія произведенія классическихъ нѣмецкихъ и русскихъ поэтовъ, историческія и физическія сочиненія. Чтеніе переродило ее: изъ рѣзваго ребенка она сдѣлалась задумчивой тихой дѣвочкой. Сравнивая окружающую жизнь, полную мелкихъ дрязгъ и алчной борьбы изъ-за копейки, съ тѣми возвышенными идеалами, которые рисовались ей въ книгахъ, она впервые стала сознавать всю несостоятельность этой жизни. Разладъ съ дѣйствительностью еще болѣе заставилъ ее уйти въ себя. Она стала замкнута, но любящая и нѣжная натура ея не позволяла ей жить долго самой съ собою. Она жаждала

---

[1]) Біографія Б. Каминской написана въ тюрьмѣ совмѣстно О. Любатовичъ и Бардиной. См. «Былое» 1906, № 5, стр. 214. Въ воспоминаніяхъ О. С. Любатовичъ.

симпатіи, жаждала дружбы съ людьми, которымъ могла бы повѣрить все то, что волновало и мучило ея впечатлительную душу.

Отсюда неминуема идеализація. Замѣтивъ какую-либо симпатичную черту въ подругѣ или въ какомъ-либо изъ родственниковъ, она идеализировала эту личность, надѣляя ее воображаемыми совершенствами, и привязывалась къ ней со всей силой своей любящей души. Но, помимо своей воли, она скоро подмѣчала черты, не гармонировавшія съ созданнымъ ея воображеніемъ идеаломъ, разочаровывалась и еще съ большей силой чувствовала свое одиночество и разладъ съ окружающимъ. Семья любила ее. Привязанность къ ней отца доходила до обожанія, но недостатокъ развитія мѣшалъ ему понимать, что совершалось въ душѣ этой дѣвочки. Она мало говорила и жила только своими книгами и своимъ воображеніемъ, которое уносило ее далеко, далеко за предѣлы мелочно-буржуазной среды. Родственники, видя такое раннее пристрастіе къ книгамъ и наукѣ, считали ее какимъ-то феноменомъ, чуть ли не геніемъ. Они съ благоговѣніемъ относились къ этой странной дѣвочкѣ и старались исполнять малѣйшее ея желаніе. Другую натуру, не столь чистую и скромную, такое отношеніе могло бы испортить, могло бы развить въ ней мелочное тщеславіе и желаніе блистать, но на нее это не произвело такого дѣйствія. Если ей иногда приходилось слышать похвалы своему уму и способностямъ, то это только удивляло ее. Ей казалось, что всякій, если бы захотѣлъ, могъ бы сдѣлать не только не меньше, но даже больше ея. Отъ природы одаренная очень хорошими способностями, она незамѣтно развила ихъ еще чтеніемъ, и все давалось ей легко. Легкость пріобрѣтенія знаній казалось ей такимъ естественнымъ явленіемъ, что она не придавала ей никакой цѣны. Благодаря, можетъ быть, только этому, тщеславіе не коснулось ея чистой души. Такъ она росла въ семьѣ, любимая всѣми, но всегда одинокая, въ вѣчной борьбѣ и разладѣ съ окружающимъ. Съ жгучей болью въ сердцѣ смотрѣла она на горе и страданіе бѣдныхъ и задавленныхъ. Она стремилась помочь имъ, но какъ,—еще не знала. И тогда-то явилось у нея рѣшеніе посвятить себя наукѣ и этимъ путемъ достичь страстно желанной цѣли. Она рѣшилась поступить въ университетъ и отправилась за границу, въ Цюрихъ. Въ это время ей едва минуло 18 лѣтъ. Въ Цюрихѣ встрѣтилъ ее новый міръ, въ которомъ вопросы, такъ смутно волновавшіе ее еще въ родной глуши,

волнуютъ и другихъ. Она встрѣтилась здѣсь съ нѣсколькими студентками, такими же молодыми, какъ она, съѣхавшимися съ разныхъ концовъ Россіи, гонимыя тѣми же стремленіями, и незамѣтно сблизилась съ ними. Вскорѣ это сближеніе перешло въ самую тѣсную дружескую связь. Въ ихъ молодомъ и полномъ любви кружкѣ шли горячія бесѣды, чтеніе и рефераты по рабочему вопросу.

Каминская и ея подруги сдѣлались самыми пламенными прозелитками соціализма. Но это не были люди, способные удовлетвориться одними теоріями. Самыя теоріи интересовали ихъ только, какъ отвѣтъ на мучившіе вопросы жизни. Поэтому, на ряду съ теоретическими занятіями, шли планы практическаго примѣненія революціоннаго соціализма въ Россіи. Тогда-то выработалась въ средѣ русской молодежи, жившей за границей, мысль о пропагандѣ въ средѣ рабочихъ и въ качествѣ рабочихъ,—мысль, къ которой одновременно и совершенно самостоятельно пришли въ Россіи кружки, занимавшіеся уже пропагандою практически.

Страшныя трудности ждали этихъ дѣвушекъ впереди. Но никакія трудности не могли остановить ихъ. Онѣ бросили все: и науку, которую любили, и привольную жизнь въ свободной странѣ, и поѣхали на родину, на тяжкій трудъ, на борьбу и страданія.

Осенью 1874 года Каминская вернулась въ Россію, а весной была арестована [1]).

Не долга, но горяча была ея дѣятельность. И въ пропаганду она внесла такой же лихорадочный пылъ, какъ и въ свои научныя занятія. Она съ головой, такъ сказать, ушла въ пропаганду и стала истинной подвижницей. Бывало, въ позднюю ночь и лютый морозъ, едва прикрытая шубенкой и платкомъ, бѣжитъ она одна, превозмогая всѣ страхи, на противоположный конецъ Москвы, чтобы поспѣть на свою фабрику къ урочнымъ 4-часамъ утра.

Первая фабрика, на которую она поступила съ фальшивымъ паспортомъ солдатки Марьи Красновой, была тряпичная. Это было маленькое мануфактурное заведеніе, лѣпившееся на берегу Москвы рѣки, въ глухой мѣстности. Тамъ работало не болѣе 60-ти человѣкъ, преимущественно женщинъ, при чемъ всѣ они работали въ двухъ небольшихъ комна-

---

[1]) 3 апрѣля 1875 года.

тахъ, гдѣ, сидя на сыромъ и грязномъ полу сшивали обрывки различнаго старья. Воздухъ былъ полонъ пылью отъ тряпокъ. Пыль эта лѣзла въ носъ, уши, ѣла глаза. Единственнымъ вентиляторомъ служила входная дверь. Работа начиналась съ 4-хъ часовъ утра и продолжалась до 8-ми вечера, съ перерывами въ 15-ть минутъ для завтрака и въ 2 часа для обѣда. Рабочіе жили на своихъ харчахъ, а такъ какъ имъ негдѣ было варить горячую пищу, да и не по средствамъ (бабы получали всего на всего 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ), то пища, обыкновенно, покупалась въ мелочной лавочкѣ и состояла изъ чернаго хлѣба съ квасомъ или солеными огурцами. Эта скудная трапеза съѣдалась тутъ же въ мастерской посреди пыли и грязи.

Въ 8 ч. кончалась работа, и работники расходились по спальнямъ. Спальни для мужчинъ и женщинъ были отдѣльныя. Это были скорѣе подвалы, темные и сырые, съ маленькими оконцами, вросшими въ землю и занесенными снѣгомъ. Со стѣнъ лило. Полъ былъ каменный и вѣчно мокрый отъ помоевъ и отъ всякаго рода нечистотъ, которыя безъ церемоніи выливали на него. По стѣнамъ шли деревянныя нары, расположенныя однѣ надъ другими, такъ что лежащимъ на нижнихъ сыпалась въ глаза всякая дрянь чрезъ щели верхнихъ наръ. Такимъ образомъ, соблюдалась экономія въ пространствѣ, и тамъ, гдѣ могло бы помѣститься 20 человѣкъ, этимъ способомъ умѣщалось 40. При этомъ тѣснота все-таки была страшная, и бабы спали чуть не другъ на другѣ. Постелью служила, обыкновенно, рогожа, покрытая кое какими грязными лохмотьями. Тѣ же лохмотья служили подушкой, а рабочій засаленный армякъ одѣяломъ. Часъ, другой бабы имѣли обыкновеніе перебраниваться между собою, а потомъ все засыпало мертвымъ сномъ. Не спала одна Бетя; спертый воздухъ избы, еще увеличенный смрадомъ чадящаго ночника, храпъ спящихъ, тьма всякаго рода паразитовъ, мѣшали ей заснуть, несмотря на страшное утомленіе; а едва она забывалась, какъ голосъ усатаго инвалида-сторожа уже выкрикивалъ по военному: «Эй, бабы! вставай на работу»! Приходилось вскакивать и бѣжать на фабрику. Ни умываться, ни пить чай не полагалось, какъ на другихъ фабрикахъ.

Работа на этой фабрикѣ была бы по силамъ Каминской, если бы не приходилось отъ времени до времени таскать тюки тряпокъ изъ мастерской въ контору. Каминская была

маленькая, худенькая и слабенькая дѣвушка, смотрѣвшая совершенно ребенкомъ, тюки были пуда въ полтора, два, да еще нужно было спускаться съ ними по лѣстницѣ, ведущей изъ мастерской на дворъ. Лѣстница была крутая, перила шаткія, ступеньки обледенѣлыя; ноги такъ и скользятъ, и тюкъ такъ и съѣзжаетъ съ плеча, не то самой держаться, не то его придерживать. Поблѣднѣетъ, бывало, Бетя, стиснетъ зубы и спускается съ грязной лѣстницы, готовая ежеминутно рухнуть подъ тяжестью тюка. Не мало пришлось тогда Каминской проклинать свое слабосиліе, но она напрягала всѣ послѣднія силы, чтобы не дать замѣтить своей слабости рабочимъ.

Недѣли черезъ три Каминская, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, оставила эту фабрику и поступила на суконную фабрику Носова (тамъ же въ Москвѣ). Это была громадная фабрика, могущая служить представителемъ крупной мануфактуры. Тамъ работало до 4.000 рабочихъ обоего пола и всякаго возраста, отъ 7-ми до 50-ти-лѣтняго.

Каминская сдѣлалась стригальщицей. Ее поставили за станокъ и показали, какъ управлять машиной. Работа эта состояла въ слѣдующемъ: двѣ работницы становятся на концахъ продолговатаго станка, въ родѣ большихъ пялецъ, на которыхъ натягивается сукно; по полотну сукна ходитъ взадъ и впередъ мѣдный цилиндръ, механизмъ котораго устроенъ такъ, что онъ подстригаетъ *ворсъ* сукна; когда этотъ цилиндръ подкатывается къ одной изъ работницъ, стоящихъ за станкомъ, она останавливаетъ его, приподнимаетъ, снимаетъ сукно съ крючьевъ, передергиваетъ и натягиваетъ на пяльцы новое полотнище; цилиндръ снова дѣлаетъ свой оборотъ, и снова передергивается и натягивается сукно. Операція эта требуетъ довольно большого напряженія мускуловъ; если же натянутъ сукно слабо, то машина прорѣжетъ его. Такимъ образомъ, приходилось 14 часовъ стоять на ногахъ, дѣлая утомительно-однообразныя движенія руками и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за двигающимся цилиндромъ. Ноги болятъ, голова трещитъ отъ грохота машинъ. Случалось, что Бетя задумывалась и оставляла машину стоять въ бездѣйствіи лишнюю минуту. Тогда на нее обрушивались насмѣшки и выговоры. Сконфуженная, она изо всѣхъ силъ старалась ни о чемъ не думать, кромѣ своего perpetuum mobile. По окончаніи работы, готовыя сукна взваливаются на плечи и сносятся въ контору. Такимъ образомъ, и здѣсь плечи Каминской не избѣжали пудовыхъ тюковъ. Но

не одинъ этотъ обязательный трудъ приходился на долю работницъ. На ихъ обязанности лежала также уборка казармы (т. е. спальни) и мастерской, мытье половъ, ношенье воды и дровъ для мастеровъ, подмастерьевъ, приказчика и т. д. Окончивъ дневную работу, онѣ должны были приниматься за этотъ добавочный трудъ, который укорачивалъ и безъ того уже недостаточный промежутокъ отдыха. А по временамъ ихъ вызывали изъ мастерской и заставляли съ нагруженными корзинами отправляться на рѣчку и полоскать бѣлье для хозяевъ и для всѣхъ служащихъ. И вотъ плетется, бывало, вмѣстѣ съ другими и Каминская на рѣку полоскать бѣлье. Руки пухнутъ отъ холода, кожа трескается и изъ трещинъ сочится кровь. Все переноситъ она!

Была еще одна особенность въ работѣ на этой фабрикѣ, какъ на всѣхъ крупныхъ московскихъ мануфактурахъ,—тамъ существовали денныя и ночныя смѣны. Чередуются эти смѣны понедѣльно. Ночная работаетъ 11-ть часовъ — отъ 8 вечера до 4-хъ утра и во время завтрака и обѣда денной смѣны, т. е. отъ 8 до $8^1/_2$ утра и отъ 12 до $2^1/_2$. Первую недѣлю Каминская была въ денной работѣ; но вотъ ее назначили въ ночную смѣну. Стоитъ она за машиной часъ, другой, третій... Томительно, медленно идутъ часы, усталость беретъ свое. Однообразный стукъ машинъ дѣйствуетъ усыпляюще, она борется съ собой, старается пѣсней разогнать дремоту, но нѣтъ силъ превозмочь ее. Голосъ, мало по малу, затихаетъ, она качается на ногахъ, не въ силахъ раскрыть отяжелѣвшія вѣки и, если бы не трескъ машины, то она упала бы на полъ. Товарки ея сами едва держатся на ногахъ; сжалившись надъ ней, совѣтуютъ ей уйти подъ предлогомъ нужды въ отхожее мѣсто и тамъ вздремнуть минутъ пять. Это освѣжаетъ, по ихъ словамъ, а мастеръ авось не замѣтитъ. Она слушается добраго совѣта, отправляется туда и застаетъ тамъ десятокъ другихъ женщинъ, сшедшихся для той же цѣли. Онѣ, какъ мертвыя, въ изнеможеніи растянулись на голомъ полу, улитомъ нечистотами. Онѣ такъ утомлены, что ни удушливая, зловонная атмосфера, ни нечистота уже не ощущаются ими. Войдя туда, Каминская содрогнулась отъ нестерпимаго смрада, но ей не время было предаваться чувству отвращенія,—она чувствовала, что еще минута—и она не въ силахъ будетъ превозмочь свою усталость и упадетъ. И что же? Повинуясь почти безсознательному движенію, она ложится рядомъ съ другими женщи-

нами и мгновенно засыпаетъ. Но вдругъ отъ этого сна ее пробуждаетъ громкій, грубый крикъ мастера, замѣтившаго исчезновеніе работницъ и пришедшаго гнать ихъ обратно на работу. Всѣ вскакиваютъ, какъ сумасшедшія, и убѣгаютъ въ мастерскую. Днемъ же Каминская съ непривычки не могла заснуть. Кромѣ того, только что она привыкала немного спать днемъ и бодрствовать ночью, какъ нужно было снова переходить въ дневную смѣну и снова привыкать спать ночью и бодрствовать днемъ. Такова была внѣшняя обстановка жизни на фабрикѣ.

Живя въ условіяхъ и безъ того невыносимыхъ для непривычнаго человѣка, Каминская, это слабое, нѣжное, маленькое созданье, не только исполняла работу свыше силъ, но еще всегда была готова работать за другихъ. Поссорятся ли бабы за то, кому идти на работу и кому отдыхать — она всегда бѣжитъ на работу первая; станутъ ли препираться о томъ, кому нести воду въ корпусъ, или что-либо подобное — она безмолвно беретъ и тащитъ ведро, изнемогая подъ тяжестью ноши. И при такихъ-то ужасныхъ условіяхъ, при такомъ, поистинѣ, каторжномъ трудѣ, Каминская находила время и силы вести пропаганды, работать на пользу того дѣла, которому посвятила себя. Въ своемъ увлеченьи пропагандой Каминская доходила до какого-то экстаза. Она позабывала о снѣ и пищѣ, толкуя съ рабочими. Каждая неудача въ дѣлѣ пропаганды повергала ее въ глубочайшее уныніе. Она вздыхала, плакала, хандрила, но не по слабости характера, а по чрезмѣрной впечатлительности своей натуры, и потому, что она слишкомъ близко принимала къ сердцу дѣло пропаганды и всѣ ея неизбѣжныя перипетіи. Она хотѣла бы, чтобы это дѣло двигалось гигантскими шагами, а между тѣмъ оно шло медленно, и вотъ почему.

Во время работы не было никакой возможности знакомиться съ рабочими. Нельзя было отойти отъ машины. Только въ праздники могла Каминская сходиться съ своими товарищами по труду, да и то преимущественно съ женщинами, которыя составляли ближайшую ея сферу. Она стремилась сблизиться съ ними, войти въ ихъ интересы и, дѣйствуя на ихъ больныя струны, проводить свои идеи. Но почва была слишкомъ невоспріимчива. Ничто, выходящее изъ сферы нарядовъ, любовниковъ и кутежей съ ними, не интересуетъ ихъ.

Главное препятствіе, на которое приходится наталкиваться пропагандисту между женщинами—это отсутствіе солидарности, мелкая, взаимная борьба. Среди мужчинъ это явленіе не такъ всеобще, хотя и между ними солидарность мало была развита. Каминская, видя, что усилія ея среди женщинъ безплодны, старалась сблизиться съ мужчинами; но познакомиться съ ними, а тѣмъ болѣе хорошо узнать людей и сойтись съ ними — было очень трудно. Женщины на всѣхъ фабрикахъ жили и работали совершенно отдѣльно отъ мужчинъ, такъ что однимъ запрещено было даже въ свободное время ходить въ помѣщеніе другихъ. Время и мѣсто, когда они встрѣчались между собою, совершенно достаточно и благопріятно для обмѣна нѣсколькихъ любезностей, для приглашенія въ трактиръ и т. п., но недостаточно и неблагопріятно для мало-мальски серьезнаго разговора. Къ тому же бабы ревновали женщинъ, ищущихъ знакомства съ ихъ мужьями и любовниками, боясь, чтобы онѣ не отбили ихъ. Да и у мужчинъ не въ обычаѣ было говорить съ женщинами о чемъ-либо, выходящемъ за предѣлы любовной сферы. Если женщина не отвѣчала на ихъ заигрыванья, то они переставали обращать на нее вниманіе и игнорировали ее, пока она не заявляла о себѣ чѣмъ-либо, особенно выдающимся.

Такъ было и съ Каминской. Вопреки обычаямъ и законамъ фабрики, она стала посѣщать мужскія казармы и скоро заинтересовала всю фабрику, сперва своею личностью, а потомъ успѣла возбудить участіе и интересъ и къ тѣмъ вопросамъ, которые ей приходилось затрагивать. Она пользовалась всевозможными предлогами, чтобы свести разговоръ на желанную тему. Вотъ, напр., она видитъ въ рукахъ одного парня рабочую книжку, выдаваемую отъ хозяина, гдѣ содержатся правила, опредѣляющія обязанности въ отношеніи къ нему. Каминская читаетъ ее вслухъ, разбираетъ значеніе каждаго правила и указываетъ рабочимъ, какъ всѣ эти правила клонятся къ ихъ ущербу и къ пользѣ однихъ только хозяевъ. Она указываетъ имъ факты изъ жизни западныхъ рабочихъ, ихъ солидарность и борьбу съ хозяйской эксплоатаціей и, мало-помалу увлекаясь, вдается въ исторію, разсказываетъ эпизоды изъ революціи Франціи и другихъ странъ и т. д. Разсказы эти, конечно, не мало поражали рабочихъ своею необычностью. Они дивились имъ, слыша ихъ изъ устъ простой крестьянки. Ея серьезность и необычная въ крестьянской сферѣ начитан-

ность привели ихъ къ заключенію, что она раскольница, такъ какъ женщины раскольницы составляли самый интеллигентный элементъ въ русскомъ крестьянствѣ.

Вдохновенная рѣчь ея производила впечатлѣніе, которое еще усиливалось ея наружностью. Въ эти минуты она поистинѣ была прекрасна. Большіе каріе глаза искрились и горѣли, щеки покрывались яркимъ румянцемъ. Въ голосѣ слышались хватающія за душу ноты. Вотъ кружокъ слушателей все ближе и ближе тѣснится вокругъ нея, лица оживляются, на глазахъ навертываются слезы... но вдругъ неумолимый пронзительный свистокъ, призывающій на работу, заставляетъ ихъ встрепенуться какъ бы отъ сна. Неумолимая дѣйствительность предъявляетъ свои права, и всѣ разбредаются, прося Бетю снова какъ-нибудь разсказать или прочитать имъ что-либо интересное. Нѣсколько дней спустя Каминская опять встрѣчается съ этими людьми, заговариваетъ о прошлой бесѣдѣ и съ грустью видитъ, что все впечатлѣніе ея рѣчи уже испарилось, что, утомленные тяжелымъ трудомъ, они думаютъ только объ отдыхѣ. Подобныя явленія производили подавляющее впечатлѣніе на болѣзненно-впечатлительную душу Каминской. Она сомнѣвалась и отчаивалась, грустила и плакала. Но ничто не могло сломить настойчивости этой молодой, слабенькой дѣвочки. Она снова и снова возвращалась къ своему дѣлу. Говорила, убѣждала, разъясняла, неутомимо, непрестанно. Наконецъ, застарѣлая, наросшая вѣками кора рутины и косности подалась. Ей удалось составить изъ рабочихъ небольшой кружокъ. Но, при всемъ своемъ удивленіи къ уму и «грамотности», рабочіе ни на минуту не заподозрили происхожденія Каминской.

Это было минутой торжества, минутой упоительнаго счастья, врядъ ли когда-либо испытаннаго ею. Нужно было видѣть, какимъ восторгомъ сіяло ея милое личико, когда она объявила объ этомъ своимъ друзьямъ. Къ ней снова возвратились всѣ свѣтлыя надежды; силы ея какъ бы утроились, и она съ лихорадочнымъ увлеченіемъ продолжала вести свое дѣло. Но это хорошее время продолжалось недолго: вскорѣ ее арестовали. Гибель ея друзей, попавшихъ вмѣстѣ съ ней въ тюрьму 3-го апрѣля 1875 года, общее плохое положеніе соціально-революціоннаго дѣла въ Россіи, все это, въ соединеніи съ вліяніемъ одиночнаго заключенія, такъ подѣйствовало на ея воспріимчивую, мягкую натуру, что она сошла съ ума. Уже на второмъ мѣсяцѣ тюремнаго заключенія она впала въ тихую ме-

ланхолію, стала отказываться отъ пищи, не принимала порціонныхъ денегъ и свои собственныя жгла. Сначала она перестукивалась съ сосѣдями, но потомъ совершенно замолчала, и по цѣлымъ днямъ лежала на полу, на грудѣ различной одежды. Книгъ не читала, гулять отказывалась. Вскорѣ появились и безумныя представленія и галлюцинаціи. Ей казалось, что въ ея камерѣ страшный шумъ, что въ стѣнѣ сидятъ какіе-то злонамѣренные люди.

Несмотря на всѣ признаки душевной болѣзни, ее все-таки держали въ тюрьмѣ. Мѣсяцевъ черезъ шесть ее отправили въ больницу московскаго тюремнаго замка, но положеніе, въ которомъ она тамъ очутилась, скорѣе могло способствовать развитію ея болѣзни, чѣмъ выздоровленію. Ее помѣстили въ одной камерѣ съ другой больной, Лукашевичъ, которая была уже окончательно помѣшана. Лѣченіе тамъ было самое небрежное. Гигіеническія условія и обращеніе сидѣлокъ съ больными — отвратительныя. Духота и вонь—невыносимыя. Больныя даже отправляли свои потребности на полу, и никто не обращалъ на это вниманія. Если больныя начинали шумѣть, то сидѣлки надѣвали на нихъ горячечныя сорочки и колотили ихъ. Наконецъ, послѣ 8-ми мѣсяцевъ, московское жандармское управленіе рѣшилось уступить просьбамъ отца Каминской и отдать ее на поруки. На волѣ Каминская стала, было, немного поправляться и, еще не совсѣмъ оправившись, уже снова порывалась идти въ народъ.

Она поступила въ одну петербургскую башмачную, чтобы научиться башмачному ремеслу. Но здѣсь ей пришлось занять положеніе не простой работницы, а учащейся барышни, почему она вскорѣ покинула ее и поѣхала въ Харьковъ, гдѣ ей обѣщали найти мѣсто работницы. Пріѣхавши въ этотъ городъ, она узнала, что ей нельзя поступить на мѣсто раньше нѣсколькихъ недѣль. На это время она рѣшила уѣхать къ отцу въ Мелитополь. Здѣсь-то и произошла ужасная, трагическая развязка всей ея страдальческой жизни.

Еще въ бытность свою въ Петербургѣ она упросила своихъ знакомыхъ достать ей обвинительный актъ по готовившемуся процессу надъ московскимъ кружкомъ. Послѣ нѣкоторыхъ усилій его достали и прочли ей. Тогда-то она начала страшно тосковать, считая своихъ обожаемыхъ друзей погибшими навсегда. Ночью не было возможности человѣческой слушать ея

раздирающія душу рыданія. Заговаривать съ ней нельзя было: ей дѣлалось отъ этого еще хуже[1]).

«Но у нея была еще одна надежда, одна цѣль — она думала, что ей удастся попасть на скамью подсудимыхъ, увидѣть еще разъ своихъ дорогихъ друзей и съ ними раздѣлить ихъ участь. Ей сказали, что обвинительный актъ посланъ ей въ Мелитополь, гдѣ офиціально она числилась.

«Вскорѣ по пріѣздѣ были получены газеты, въ которыхъ былъ напечатанъ обвинительный актъ. Въ Петербургѣ уже начался процессъ, она же не была привлечена къ нему по причинѣ ея душевной болѣзни. Тотчасъ же она объявила отцу, что намѣрена ѣхать въ Петербургъ. Она хотѣла явиться къ прокурору, объявить, что она совершенно здорова, и требовать, чтобы и ее судили вмѣстѣ съ товарищами.

«Друзьямъ она прямо открыла свое намѣреніе. Отецъ безъ труда догадался о немъ и сказалъ, что ни за что на свѣтѣ не отпуститъ ее. За ней стали слѣдить, боясь оставить ее на минуту одну.

«Тогда все ей показалось погибшимъ. Впереди для себя она не видѣла ничего, кромѣ пустоты и страданій. Она рѣшила покончить съ этой жизнью—и отравилась! Но ядъ, принятый ею, былъ слишкомъ слабъ, и цѣлыхъ три дня продолжалась ея агонія.

«... Я застала ее уже въ очень плохомъ состояніи; лицо ея было покрыто синими пятнами, глаза блестѣли лихорадочно. Когда я зашла къ ней, она очень обрадовалась и, видя печаль на моемъ лицѣ (вы вѣдь знаете, какъ на нее дѣйствовали чужія страданія!), она начала уговаривать и упрашивать меня не мучиться.

«Это было въ пятницу. Въ субботу ночью начался бредъ. Она въ полубезсознательномъ состояніи начала разсказывать отцу какую-то исторію про одного отца, у котораго была дочь, которая хотѣла уѣхать отъ него, а онъ ее не пустилъ.. но вдругъ она потеряла нить разсказа и вскликнула! «Ахъ, я совсѣмъ забыла, что хотѣла сказать!.. Лидочка моя!.. (вѣроятно Фигнеръ). Сестра, купи мнѣ много, много траурныхъ лентъ, купи же, купи!..

«На разсвѣтѣ въ субботу она подозвала отца и спросила:

---

[1]) Эта выдержка и слѣдующія взяты авторомъ біографическаго очерка изъ частнаго письма одной родственницы Бети, присутствовавшей при ея послѣднихъ дняхъ.

«Писемъ нѣтъ? Ну, скажите, что съ ними будетъ? Ахъ, что съ ними будетъ?!. А я умру!.. Отецъ началъ утѣшать ее, говорилъ, что она выздоровѣетъ, будетъ жить.

«Хотя она уже совсѣмъ почти не сознавала, что говорятъ ей и что она отвѣчаетъ, но, разслышавъ послѣднія слова отца, она судорожно схватила его за руку и какимъ-то страннымъ, подавленнымъ голосомъ воскликнула: «Зачѣмъ? Безъ цѣли, безъ дѣла... безъ всѣхъ моихъ... нѣтъ, не надо жить!.. Но гдѣ они, гдѣ же всѣ!.. Лидія! Ольга! Ольга!..

«Она звала и другихъ, но уже трудно было разбирать слова, да и не до того мнѣ было...

Больше писать не могу...»

Къ утру Бети Каминской не стало [1]).

---

[1]) Это было приблизительно въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля 1877 года. По даннымъ судебнаго слѣдствія заграничное пребываніе Б. Каминской относится къ концу 1873 и къ 1874 годамъ, когда, по словамъ біографа, ей едва минуло 18 лѣтъ. Изъ этихъ приблизительныхъ датъ можно опредѣлить, какъ недолга была (21—22 года) жизнь этой дѣвушки—„страстной, порывистой южанки, напоминавшей, какъ говоритъ С. М. Кравчинскій, своей экзальтаціей средневѣковыхъ пророчицъ...“

„Узница“.[1])

Что мнѣ она—не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь,
Такъ отчего жъ ея доля проклятая
Ходитъ за мной день и ночь?
Словно зоветъ меня, въ злѣ неповиннаго,
Въ судъ отвѣчать за нее —
Словно страданьемъ ея заколдовано
Бѣдное сердце мое.
Вотъ и теперь, мнѣ какъ будто мерещится
Жесткая койка тюрьмы,
Двери съ засовами, окна подъ сводами,
Мертвая тишь полутьмы.
Изъ полутьмы этой смотрятъ два знойные
Глаза, безъ мысли и слезъ;
Не шевелятся ни губы, ни смятыя
Космы тяжелыхъ волосъ.
Не шевелится ни локоть, ни тощія
Руки на тощей груди,
Слабо прижатыя къ сердцу безъ трепета

[1]) Напечатано въ „Быломъ“, январь 1906 года.

И безъ надеждъ впереди.
Сколько же лѣтъ ей? Семнадцать неужели?
Правду ли, мнѣ говорятъ,—
Что эта дѣвушка, въ счастьи не жившая,
Что ей не вѣрятъ и мстятъ.
Мстятъ ей за бѣдность ея безъ смиренія,
Мстятъ за свободу рѣчей,
Мстятъ ей за страстный порывъ нетерпѣнія
Мстятъ за любовь безъ цѣпей.
Можетъ ли быть? Мнѣ, какъ будто, не вѣрится,
Что такъ тяжелъ приговоръ
Свѣта, въ которомъ кишатъ лицемѣрные
Плуты—развратникъ иль воръ.
Скоро ли жъ будетъ бѣдняжка оправдана,
Снова любить и желать?
Или ужъ скоро ли въ саванѣ вынесутъ
Тѣло ея отпѣвать?
О, что-нибудь! или жизни придавленной
Дайте вздохнуть и расцвѣсть,
Иль до суда поспѣшите добить ее,
Чтобъ утолить вашу месть.

1877 г.

Я. П. Полонскій.

О. С. Любатовичъ и Л. Н. Фигнеръ.

Послѣ апрѣльскаго провала московскаго кружка соціалистовъ, уцѣлѣвшіе члены его не прекращаютъ революціонной работы и, разъѣхавшись по разнымъ городамъ, продолжаютъ организацію пропагандистскихъ поселеній на новыхъ мѣстахъ. Центрами сосредоточенія силъ являлись, главнымъ образомъ, города съ болѣе или менѣе развитой фабрично-заводской промышленностью (Иваново-Вознесенскъ, Одесса, Тула); отсюда уже дѣлается попытка вести пропаганду среди крестьянскаго населенія прилегающихъ къ городу деревень. Среди женщинъ, укрывшихся отъ апрѣльскаго дознанія и принимавшихъ энергичное участіе въ движеніи, выдѣляются О. С. Любатовичъ и Л. Н. Фигнеръ: первую изъ нихъ мы встрѣчаемъ во главѣ сначала одесской общины, затѣмъ въ г. Тулѣ; вторую — во главѣ иваново-вознесенской общины. Обѣ, какъ и большинство женщинъ московскаго кружка, по своему рожденію и воспитанію, принадлежатъ къ привилегированному классу и первоначальную подготовку къ пропагандистской дѣятельности получили вмѣстѣ съ своими подругами за границей, въ Цюрихѣ.

Ольга Спиридоновна Любатовичъ (по мужу Джабадари), дочь коллежскаго ассесора (годъ рожденія—1853), будучи еще за границей и горя нетерпѣніемъ возвратиться въ Россію, послѣ извѣстнаго правительственнаго распоряженія настойчиво убѣждаетъ своихъ подругъ сейчасъ же немедленно ѣхать въ Россію и, не теряя времени, приняться за работу. Во второй половинѣ 1874 года она вмѣстѣ съ своей сестрой Вѣрой возвращается въ Россію, и съ первыхъ же шаговъ здѣсь ихъ встрѣтила такая неудача—ихъ арестовываютъ по подозрѣнію въ перевозкѣ писемъ и «важныхъ документовъ и держатъ въ Черниговѣ подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока, благодаря хлопотамъ отца, не освободили за его поручительствомъ и подъ крупную сумму залога. «Они (жандармы) оцѣнили ихъ—говорилъ старикъ Любатовичъ на судѣ—одну въ 2000, другую въ 1000 р. Ольга въ началѣ января 1875 г. пріѣхала изъ Чернигова въ Москву прямо въ семью, жила до святой и затѣмъ, желая поступить въ академію, ѣздила въ Петербургъ, но поступить не удалось, потому что у нея не было документовъ. Вслѣдствіе этого, она вскорѣ возвратилась и, по совѣту доктора, уѣхала въ Крымъ»... Такъ разсказывалъ на судѣ отецъ

О. Любатовичъ, но не совсѣмъ такъ было на самомъ дѣлѣ: не въ семьѣ своей проходила ея жизнь. Съ 5 февраля 1875 года она вмѣстѣ съ Б. Каминской работала около полутора мѣсяца на фабрикѣ Носова, располагая досугомъ только на нѣсколько часовъ въ воскресный день. Работала она, по словамъ управляющаго фабрики, 1 мѣсяцъ 10 дней, въ ночной смѣнѣ. Въ апрѣлѣ, маѣ мы встрѣчаемъ ее уже въ Одессѣ, затѣмъ въ Кіевѣ; въ августѣ того же года она проѣздомъ черезъ Москву перебирается въ Тулу, гдѣ и была арестована въ первыхъ числахъ сентября 1875 года. Высланная по приговору суда въ Сибирь, Ольга Любатовичъ бѣжала оттуда въ 1878 году и принимала затѣмъ участіе въ революціонномъ движеніи въ періодъ времени 1878—1881 гг., когда дѣйствовали организаціи «Земля и Воля» и «Народная Воля». Бѣжавъ вторично изъ Сибири послѣ процесса и ссылки вмѣстѣ со своимъ мужемъ, освобожденнымъ тогда послѣ двойнаго срока каторги, начавшейся въ центральной харьковской тюрьмѣ и закончившейся въ каторгѣ карійской, они были схвачены на границѣ, но добились, что имъ былъ засчитанъ этотъ двойной срокъ каторги и они были отпущены. Въ настоящее время Ольга Спиридоновна занимается литературной дѣятельностью, которую она и раньше не покидала среди всѣхъ бурь и мытарствъ своей жизни, работая въ подпольныхъ и подцензурныхъ изданіяхъ» (См. Первый женскій календарь на 1906 г. [1]).

---

[1]) Въ только что вышедшей изъ печати майской книжкѣ „Былое“ напечатана первая часть воспоминаній О. С. Любатовичъ: „Далекое и Недавнее. Воспоминанія изъ жизни революціонеровъ 1878—1881 гг.“. Авторъ воспоминаній даетъ краткія характеристики тѣхъ революціонныхъ дѣятелей, съ которыми Любатовичъ пришлось встрѣтиться послѣ побѣга изъ Сибири; это были, главнымъ образомъ, видные члены организаціи „Земли и Воли“ (С. Кравчинскій, Г. Плехановъ, Ал. Михайловъ др). и будущіе „народовольцы“ (Н. Морозовъ, С. Перовская и др.) Побѣгъ изъ Сибири въ жизни Любатовичъ представляетъ одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ; это было тяжелое и опасное путешествіе: въ сибирскомъ лѣсу она постоянно рисковала встрѣтить или лѣсного звѣря, или озвѣрѣвшаго бродягу. Послѣ того какъ перебралась она въ Россію, необходимо было скрываться отъ „недреманнаго ока“ и цѣпкихъ рукъ полиціи. О. Любатовичъ прямо изъ Сибири пріѣхала въ Петербургъ какъ разъ въ день убійства Мезенцева (4-го августа 1878 г.). Ей, не знавшей адреса ни одного изъ товарищей, нѣсколько дней пришлось пріютиться въ номерахъ у одной женщины, пока, наконецъ, она не попала въ дружную семью своихъ товарищей—революціонеровъ. Въ концѣ того же года она на время скрылась за границу, въ Женеву,

Лидія Николаевна Фигнеръ (по мужу Стахевичъ) родилась въ ноябрѣ 1853 года въ казанской губерніи. Дѣтство свое до десяти лѣтъ провела въ деревнѣ, гдѣ и получила первоначальное воспитаніе. Окончивъ въ 1871 году казанскій институтъ для благородныхъ дѣвицъ, она черезъ годъ отправилась съ цѣлью продолжать свое образованіе въ Цюрихъ; здѣсь, конечно, Лидія Николаевна не могла остаться равнодушной къ движенію среди русской цюрихской молодежи. Черезъ полтора года возвратившись въ Россію и пробывъ недолгое время на медицинскихъ курсахъ въ Петербургѣ, она поступаетъ въ качествѣ простой работницы на фабрику Гюбнера, на дѣвичьемъ полѣ въ Москвѣ, подъ именемъ солдатки Авдотьи Степановой («Дуняши») и работаетъ здѣсь, по словамъ одного изъ свидѣтелей на судѣ, съ 19 марта по 5 апрѣля 1875 года. Въ августѣ въ Иваново-Вознесенскѣ она была арестована и, сослана по приговору суда въ Сибирь, прожила въ Иркутской губерніи 17 лѣтъ. Впослѣдствіи привлекалась вновь къ отвѣтственности за содѣйствіе побѣгу Богомолецъ и Ковальской.

и вернулась обратно въ Россію, вмѣстѣ со Стефановичемъ, Дейчемъ и В. Засуличъ, въ первой половинѣ 1879 года послѣ соловьевскаго покушенія на Александра II. (2-го апрѣля 1879 г.) Въ организацію „Земли и Воли“ О. Любатовичъ вошла еще до отъѣзда своего за границу...

Двѣ сосѣдки.

Боже мой, какая скука
Заключенной быть въ тюрьмѣ!
Цѣлый день лежать безъ звука
И безъ мысли въ головѣ!
А какъ тяжко, тяжко, душно,
Словно камень давитъ грудь,
Сердце бьется непослушно,
Только тяжело вздохнуть.
Но вѣдь рядомъ тоже клѣтка...
Можетъ, веселѣе тамъ.
Стукъ-стукъ-стукъ! ну что, сосѣдка,
Хорошо ль живется вамъ?
«Легкія все не въ порядкѣ,
Стало трудно мнѣ дышать;
То чахотки злой начатки.
Видно, надо помирать!
Кашель мучаетъ вотъ тоже,
Окаянный, грудь болитъ...
А сіяющій міръ божій
За окномъ такъ жить манитъ.
За желѣзную рѣшетку
Солнца лучъ скользнулъ,
Вѣтерокъ, ворвавшись въ клѣтку,
Свѣжестью пахнулъ,—
Шепчетъ, лишь къ лицу касаясь,
Про зеленый лѣсъ,
Что, вершинами сливаясь
Съ синевой небесъ,
Ароматъ распространяетъ;
Свѣжесть сосенъ, мховъ

Грудь больную укрѣпляетъ
Лучше докторовъ...
Шепчетъ, нервы раздражая,
Про тотъ лугъ родной,
Гдѣ цвѣты благоухая
Искрятся росой;
А порой звучитъ уныло
О борьбѣ глухой,
Гдѣ была бъ полезна сила
Жизни молодой.
Но подрѣзаны мнѣ крылья...
Давитъ, какъ тиски,
Чувство гордаго безсилья,
Злобы и тоски.
Передъ смертью я не трушу,
Но желала бы пожить,
Чтобъ всѣ силы и всю душу
Въ дѣло положить.»—
Кашель жалобный раздался
И пронесся стонъ,
Жгучей болью отозвался
Въ моемъ сердцѣ онъ.—
Но и справа есть сосѣдка,
Дай толкнусь туда,
Лишь понять ее нерѣдко
Трудно—вотъ бѣда!
Какъ живешь, касатка Маша?
«Плохо, другъ мой, злятъ...
День и ночь, вѣдь, въ стѣну нашу
Жулики стучатъ.
Арестанты всѣ спириты,
Замѣчаю я—
А жандармы ядовито
Смотрятъ на меня.

Замѣчаю, какъ презрѣнье
Въ лицахъ ихъ сквозитъ,
А улыбка сожалѣнья
На устахъ скользитъ.
Но, что вижу я, о Боже!
Огоньки горятъ!
Изъ угловъ и оконъ рожи
Страшныя глядятъ!
И все ближе! То толпятся
Гномы вкругъ огня,
Съ адскимъ хохотомъ грозятся
Погубить меня:—
Какъ, несчастная, мечтаешь
Обновить ты міръ?
Уничтожить въ немъ желаешь
Нашъ кровавый пиръ?
Не спасешь ты человѣка!
Намъ и намъ однимъ
Адомъ власть дана отъ вѣка
Царствовать надъ нимъ!
Подо мной разверзлась бездна,
Все плыветъ кругомъ,
Я борюсь, но безполезно!
Побѣждаетъ гномъ!»
Смолкло все. Лишь часового
Раздается мѣрный шагъ,
Безотрадно и сурово
Смотрятъ звѣзды въ небесахъ.—

Къ матери.

Когда несчастье надо мной
Нависло крышкой гробовой,

Одна лишь, любящая мать,
Сумѣла ты меня понять.

* *
*

Эгоистичная семья
Объ арестанткѣ позабыла,
Лишь ты, родимая моя,
Въ слезахъ и горѣ вся изныла.

* *
*

Зато я буду уважать
Тебя, родная, безпредѣльно,
И образъ твой благоговѣйно
Въ святынѣ сердца сохранять.

Къ Фигнеръ.

Милая дѣвушка! сильно вліяніе
Внѣшней чарующей насъ красоты,
Такъ; но сильнѣе ея обаянія
Прелесть душевной твоей чистоты.
Много въ изящной фигурѣ гармоніи
И благородства въ движеньяхъ твоихъ,
Чувства движенья еще благороднѣе,
Сердце великое чуется въ нихъ.
Полонъ Спасителя ликъ состраданія,
Скорби въ божественныхъ много чертахъ,
Но еще больше любви и страданія
Въ этихъ бездонно глубокихъ очахъ.—

Блажени кротціи, яко
тіи наслѣдятъ землю.

Возлюбила ты брата убогаго,
Ты его утѣшала слезами...

И за то предъ судью тебя строгаго
Привели, оковали цѣпями...
Принесла передъ нимъ ты повинную...
У судьи опустилися руки:
«Какъ могу я голубку невинную
Осудить на жестокія муки!?»
— Нѣтъ, судья! эту дѣвушку блѣдную
Безпощаднымъ карай приговоромъ:
Иль не чуешь ты силу побѣдную
Подъ незлобивымъ любящимъ взоромъ?
Знай: не ратью, оружьемъ сверкающей,
Не войною, не силою дикой,
А любовью горячей, страдающей
Побѣжденъ будетъ міръ нашъ великій!—

12 марта 1877 года.

Судъ нынче могъ бы хоть съ балетомъ
Поспорить: сильные земли
Пришли смотрѣть насъ по билетамъ,
На насъ бинокли навели...
Намъ было лестно—состраданье
Прочесть у нихъ на лицахъ къ намъ.
Мнѣ даже слышалось рыданье
Изъ отдѣленія для дамъ...
И продолжалась до обѣда
И даже больше ихъ печаль;
У нихъ о насъ велась бесѣда,
Всѣ говорили: жаль ихъ, жаль!...
А у меня въ тюрьмѣ угрюмой
Была межъ тѣмъ своя печаль;
Полна имъ непонятной думой,
Я говорила: мнѣ васъ жаль!—

---

* * *

Мы были тамъ. Его распяли,
А мы стояли въ сторонѣ
И осторожно всѣ молчали,
Свои великія печали
Храня въ душѣ своей на днѣ.
Его враги у насъ спросили:
«И въ васъ, должно быть, тотъ же духъ?!
Вѣдь вы его друзьями были!»
Мы отреклись... Насъ отпустили,
А вдалекѣ пропѣлъ пѣтухъ.
Намъ было слышно:—умирая,
Онъ все простилъ своимъ врагамъ;
Онъ умеръ, ихъ благословляя,
Открывъ убійцѣ двери рая...
Но... онъ простилъ ли и друзьямъ!?—

Лидіи Фигнеръ.

Осужденной на каторгу сенат. судомъ 22 февр. 1877 г.

Мой тяжкій грѣхъ, мой умыселъ злодѣйскій
Суди, судья,—но проще, поскорѣй,
Безъ мишуры, безъ маски фарисейской,
Безъ защитительныхъ рѣчей!...
Крестьянскія вериги вмѣсто платья
Одѣвъ, и снявъ преступно башмаки,—
Я шла туда, гдѣ стонутъ братья,
Гдѣ вѣчный трудъ и бѣдняки!...
Застигнута на мѣстѣ преступленія,
Съ поличнымъ я на судъ приведена...
Зачѣмъ же тутъ свидѣтели и пренья?...
Вѣдь я кругомъ уличена...

Оставь, судья, ненужные допросы!
Взгляни—я вся въ уликахъ: на плечахъ
Мужицкая одежда, ноги босы,
Видны мозоли на рукахъ,
Тяжелою работой я разбита...
Но знаешь ли, въ душѣ моей на днѣ
Тягчайшая изъ всѣхъ уликъ сокрыта—
Любовь къ родимой сторонѣ...
Но знай и то, что какъ я ни преступна,-
Ты надо мной безсиленъ, мой судья!
Нѣтъ, я суровой карѣ недоступна—
И побѣдишь не ты, а я!
Пожизненно меня ты покараешь...
Но мой недугъ ужъ написалъ протестъ—
И мнѣ грозитъ—самъ видишь ты и знаешь—
Лишь кратковременный арестъ...
А я умру все съ той же любовью...
И, уронивъ тюремные ключи,
Съ молитвою приникнутъ къ изголовью
И зарыдаютъ палачи.

8-го марта 1877 г.

Помѣщенныя выше семь стихотвореній [1]) обращались въ концѣ 70-хъ годовъ по рукамъ во множествѣ списковъ, а нѣкоторыя изъ нихъ и въ печатныхъ копіяхъ. Молва приписывала первыя шесть изъ этихъ стихотвореній одному лицу, а седьмое другому. Намъ не удалось выяснить вопроса объ авторствѣ этихъ стихотвореній, которыя являются цѣннымъ дополненіемъ къ матеріаламъ, характеризующимъ типъ русскихъ женщинъ—участницъ процесса 50-ти.

---

[1]) Перепечатываются въ этомъ сборникѣ изъ упомянутой выше брошюры „Дѣтоубійство, совершаемое русскимъ правительствомъ“...

Уставъ организаціи.

У одного изъ подсудимыхъ по процессу 50-ти—у Здановича—при его арестѣ былъ отобранъ чрезвычайно цѣнный и любопытный документъ, представляющій, по справедливому замѣчанію и обвинительнаго акта, «отчетливую характеристику образа дѣйствій пропагандистовъ и тѣхъ основаній, на которыхъ было учреждено тайное общество» московскихъ соціалистовъ. Выработанный ими широкій и стройный планъ активной организаціи былъ, какъ говоритъ С. М. Кравчинскій, «первымъ серьезнымъ опытомъ въ этомъ родѣ, такъ какъ предыдущія тайныя общества этого періода, такъ называемые «долгушинцы» и «чайковцы» не вышли изъ аморфнаго состоянія кружковъ». П. Л. Лавровъ эту первую попытку широкой организаціи считалъ также значительнымъ явленіемъ въ исторіи революціоннаго движенія того времени.

Содержаніе упомянутаго дукумента[1]) слѣдующее:

I.—*Принципы, на которыхъ основывается организація.* 1) Абсолютное равенство всѣхъ членовъ во всѣхъ дѣлахъ организаціи; 2) полная солидарность; 3) полное довѣріе и откровенность въ дѣлахъ организаціи. II.—*Способъ учрежденія общины.* 1) Всякая новая община учреждается членами одной изъ существующихъ общинъ на основаніи программы этой общины. III.—*Условія пріема въ члены общины.* 1) Только та личность, которая искренно и всецѣло посвятила себя революціонной дѣятельности, можетъ быть членомъ общины. 2) Любовь и дружба не должны служить помѣхою для революціонной дѣятельности; всякій долженъ быть готовъ ради дѣла порвать всѣ личныя связи. 3) Самоотверженность и способность хранить тайны—необходимыя качества члена организаціи. 4) Членъ долженъ быть въ положеніи простого работника, объ исключеніяхъ рѣшаетъ община. 5) Личность должна быть способна къ исполненію, по крайней мѣрѣ, одной изъ главныхъ функцій революціонной дѣятельности. 6) Личность, прежде чѣмъ быть принятою въ члены общины, должна быть испытана на дѣлѣ. 7) Пріемъ членовъ долженъ быть единогласный. IV.—*Обязанности членовъ общины.* 1) Всѣ дѣла

---

[1]) См. *Б. Базилевскій.* „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“ томъ II-ой.

*

организаціи членъ долженъ хранить въ тайнѣ. 2) Каждый членъ долженъ давать отчетъ общинѣ о своей революціонной дѣятельности. 3) Всѣ свѣдѣнія, касающіяся какой-нибудь партіи, кружка или лица, находящагося внѣ нашей организаціи, или въ связи съ ней, членъ обязанъ сообщать общинѣ, за исключеніемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя въ революціонной практикѣ называются секретами; но для прочности дѣла признается необходимымъ сообщать въ подробностяхъ нѣсколькимъ лицамъ организаціи по выбору общины. 4) Членъ общины не въ правѣ вступать въ договоры въ важныхъ дѣлахъ съ лицами, кружками и партіями, состоящими внѣ нашей организаціи, безъ согласія общины, а въ мелкихъ дѣлахъ обращается за совѣтомъ къ администраціи. 5) Свѣдѣнія, получаемыя чрезъ общину о дѣятельности лица, партіи или кружка не могутъ быть никому сообщены безъ согласія общины. 6) Членъ обязанъ выполнять возложенныя на него общиною порученія. 7) Членъ общины не имѣетъ права отлучаться изъ мѣста своего нахожденія безъ согласія общины. 8) Членъ общины не въ правѣ переходить изъ одной общины въ другую безъ обоюднаго согласія общинъ. 9) Членъ не можетъ имѣть личной собственности. V.—*Права члена.* 1) Всѣ члены имѣютъ право на равное участіе въ дѣлахъ общины. 2) Каждый членъ имѣетъ право требовать нужныя свѣдѣнія отъ управленія. 3) Каждый членъ имѣетъ право контроля. 4) Члену предоставляется право созывать исключительныя собранія. VI.—*Администрація.* 1) Управленіе назначается для того, чтобы текущія дѣла не останавливались бы отъ того, что всѣ члены общины находятся въ работѣ. 2) Управленіе освобождается отъ работъ на фабрикахъ, заводахъ и мастерскихъ. 3) Члены управленія назначаются не по выбору, а по очереди и взаимному соглашенію членовъ. 4) Въ управленіи должны перебывать всѣ члены общины. 5) Въ составъ управленія должны входить всегда члены какъ изъ интеллигенціи, такъ и изъ рабочихъ. 6) Число членовъ управленія опредѣляется общиною сообразно ея нуждамъ (Въ настоящее время управленіе состоитъ изъ трехъ членовъ). 7) Каждая очередь управленія продолжается мѣсяцъ. 8) Управленіе должно вести постоянныя сношенія съ другими общинами по части книжнаго дѣла, денегъ и вообще веденія переписки по дѣламъ общинъ. 9) Управленіе обязано заботиться о наймѣ квартиръ и снабженіи ихъ всѣмъ нужнымъ. 10) Управленіе хранитъ книги,

деньги въ количествѣ, опредѣленномъ общиною, адреса и т. д. 11) Управленіе должно предупреждать объ опасности, угрожающей членамъ общины и вообще организаціи. 12) При арестѣ кого-либо изъ членовъ общины, управленіе должно увѣдомлять объ этомъ всѣхъ членовъ какъ своей, такъ и другихъ общинъ. 13) Управленіе поддерживаетъ сношеніе съ заключенными и сообщаетъ общинѣ о причинахъ ареста и о показаніяхъ кого-либо изъ членовъ общины. 14) При выдачѣ суммъ на какія-либо предпріятія свыше опредѣленной суммы, управленіе обязано предварительно снестись объ этомъ съ общиною. 15) Права управленія: а) Управленіе можетъ входить въ сношенія съ революціонными кружками, стоящими внѣ общины; б) управленіе снабжаетъ революціонные кружки деньгами, книгами и всѣмъ нужнымъ для революціонной дѣятельности, въ размѣрѣ, опредѣленномъ общиною. 16) Дѣйствіе администраціи контролируется всей мѣстной общиной. 17) Для удобства сношенія одной мѣстной общины съ другой, послѣдняя увѣдомляется о личномъ составѣ управленія. VII.—*Способъ дѣйствія во время пропаганды.* 1) Члену общины предоставляется полнѣйшая самостоятельность въ способѣ революціонной дѣятельности, не вредя самой организаціи общины. 2) Членъ общины долженъ стараться поставить себя въ денежномъ отношеніи къ тѣмъ, среди которыхъ онъ пропагандируетъ, такъ, чтобы они относились къ нему, какъ къ работнику, иначе говоря, онъ не долженъ допускать никакихъ денежныхъ подарковъ. 3) Членъ общины дѣйствуетъ при пропагандѣ только отъ своего имени, не подавая ни малѣйшаго вида о существованіи у него организованнаго кружка или артели, до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые изъ членовъ общины не признаютъ его надежнымъ, и пока вся община не признаетъ нужнымъ сообщить о своей организаціи. 4) Членъ общины не имѣетъ права приводить кого-либо на квартиру общины, не удостовѣривъ хотя бы нѣкоторыхъ изъ членовъ въ благонадежности его. 5) Пропагандирующій не долженъ довольствоваться лишь тѣмъ, что пропагандируемый согласенъ имѣть тѣсную связь съ нимъ, или съ нѣкоторыми другими, а обязанъ выпытать у него, сочувственно ли онъ относится къ идеѣ общинной организаціи. 6) Членъ-пропагандистъ обязанъ, во имя идеи организаціи, не пропускать ни одного революціоннаго кружка, ни даже одной революціонной силы. 7) Тайну организаціи общины

каждый членъ доводитъ до такого максимума, что онъ отр кается отъ близкаго знакомства даже передъ революціон рами, не входящими въ организацію, если отреченіе тако рода не вредитъ общинѣ. VIII.—*Группа важнѣйшихъ сп собовъ при пропагандѣ.* 1) Способъ простого разговора; 2) сп собъ чтенія книжекъ, какія находитъ нужнымъ пропагандист 3) способъ возбужденія; 4) способъ простого сплачивані 5) способъ создаванія организованнаго кружка, находящагос внѣ организаціи общины; 6) община обязываетъ своихъ чле новъ учреждать кассы, библіотеки среди организованных ими кружковъ. IX.—*Объ агитаціи.* A) Разница между пр пагандой и агитаціей состоитъ въ томъ, что первая служит для выясненія взглядовъ на революціонное дѣло, а агитаці имѣетъ цѣлью побудить личности или кружки прямо на акти ную революціонную дѣятельность. B) Агитація идетъ рядом съ пропагандой, она состоитъ въ побужденіи другихъ лицъ кружковъ: а) къ пропагандѣ, б) къ образованію артелей, касс и библіотекъ и в) къ образованію органовъ внѣ нашей орга низаціи. C) *Чистая агитація.* 1) Въ мирное врем а) она ведется посредствомъ организованныхъ шаекъ, б) шайк образуются или лицами нашей организаціи, или же лицам состоящими внѣ нашей организаціи; въ послѣднемъ случа необходимо, чтобы существующая шайка довѣряла бы одном изъ членовъ общины; в) цѣль подобныхъ шаекъ — наводит страхъ на правительство и на привилегированные классы, кромѣ того, отводить взоры правительства отъ революціонных дѣятелей; г) поднимать духъ народа и этимъ дѣлать его болѣ способнымъ къ принятію революціонныхъ идей; д) черезъ них пріобрѣтать денежныя средства для дѣятельности общины е) употреблять ихъ на помощь при освобожденіи заключен ныхъ; ж) направленіе шаекъ должно быть чисто соціальнс революціонное. 2) Во время бунтовъ: а) при бунтах дѣятельность членовъ состоитъ въ направленіи бунтовъ; б) пр бунтахъ выдвигаются личности, и члены общины должны да вать имъ направленіе соціально-революціонное; в) относяс сочувственно къ движенію другихъ общинъ, наша общин помогаетъ средствами и всѣмъ, чѣмъ можетъ, и рядомъ с этимъ, если она находитъ возможнымъ, призываетъ къ дви женію въ своемъ мѣстѣ; г) участіе членовъ общины въ са момъ движеніи допускается въ такомъ размѣрѣ, чтобы общин не уничтожалась и тѣмъ не вредила всеобщей организаці

X.—*Денежная сторона организаціи.* 1) Каждая община имѣетъ свой самостоятельный фондъ. 2) Средства для пополненія фонда должны быть такія, которыя не вредили бы безопасности и кредиту организаціи. Вообще каждый членъ обязанъ добывать средства изъ доступныхъ ему источниковъ по своему усмотрѣнію. Никто изъ членовъ общины не можетъ исключительно заниматься добываніемъ денежныхъ средствъ; отдѣльные же случаи, когда необходимо участіе извѣстныхъ лицъ, рѣшаетъ община. 3) Храненіе денегъ поручается управленію общины. Большія суммы не должны сохраняться на рукахъ общины. Они будутъ храниться по частямъ въ банкахъ. 4) Сумма, необходимая на постоянные расходы управленія и каждаго члена, опредѣляется общимъ собраніемъ сообразно нуждамъ на мѣсяцъ. 5) Кромѣ того, какъ управленіе, такъ и каждый членъ должны располагать деньгами на непредвидѣнные расходы не свыше количества, опредѣленнаго общиною. 6) Заемъ у лицъ, состоящихъ внѣ организаціи, заключается отдѣльными членами. XI.—*Книжное дѣло.* 1) Община высылаетъ на время лицъ, устраивающихъ сношенія съ издателями книгъ. 2) Эти же лица устраиваютъ пути для перевозки книгъ черезъ границу и затѣмъ передаютъ управленію. XII.—*О собраніяхъ общины.* 1) Община собирается разъ въ мѣсяцъ для обсужденія текущихъ дѣлъ. 2) Время и мѣсто назначаются управленіемъ. 3) Собраніе считается дѣйствительнымъ только тогда, когда всѣ члены предупреждены и отсутствующіе заявятъ причину неявки.

Условія межобщиннаго сношенія. 1) Пользованіе взаимно деньгами изъ общаго фонда. 2) Увѣдомленіе объ общинномъ шифрѣ. 3) Пользованіе общимъ словаремъ для телеграммъ. 4) Необходимо давать знать о паролѣ путемъ телеграммы. 5) Извѣщеніе о кличкахъ личнаго состава администраціи. 6) Извѣщеніе о вводѣ новаго члена. 7) Предупрежденіе общинами другъ друга объ опасности. 8) Увѣдомленіе о движеніи въ своей мѣстности, а также въ мѣстности, гдѣ не имѣется общины всероссійской организаціи. 9) Совѣщаніе объ устройствѣ и содержаніи типографіи и книжное дѣло за границей. 10) О періодическихъ изданіяхъ. 11) Увѣдомленіе о секретныхъ адресахъ общины.

Этотъ организаціонный уставъ не былъ простымъ проектомъ, который, какъ можно было бы думать, только разрабатывался и не осуществлялся на дѣлѣ. Нѣтъ, съ первыхъ же шаговъ дѣятельности общества московскихъ соціалистовъ принципы, положенные въ основу организаціи, примѣняются и на практикѣ. Вернувшись изъ-за границы въ концѣ 1874 г. «Цюрихская коммуна» женщинъ - «московокъ» проѣздомъ чрезъ Петербуръ встрѣчается здѣсь съ кружкомъ кавказцевъ[1]), объединяется съ нимъ для предстоящей дѣятельности и направляется въ Москву. Здѣсь они вмѣстѣ поселяются цѣлой «общиной» на одной квартирѣ и мужчины, и женщины. 3 апрѣля 1875 года цѣлой артелью ихъ здѣсь, въ домѣ Корсакъ, и арестовываютъ: семь мужчинъ (среди нихъ Джабадари, рабочій Агаповъ, рабочій Петръ Алексѣевъ [2]) и др.) и двухъ женщинъ (Бардину и Каминскую). Члены общества (между ними, Л. Н. Фигнеръ, О. С. Любатовичъ, В. И. Александрова и др.), уцѣлѣвшіе послѣ этого провала и успѣвшіе скрыться отъ апрѣльскаго дознанія, разъѣзжаются по разнымъ городамъ и тамъ устраиваются для революціонной работы такими же общинами, въ полномъ соотвѣтствіи съ принципами организаціи. Ея основной идеей, которая красной нитью проходитъ въ уставѣ организаціи, была идея равенства и личной независимости всѣхъ членовъ общества; всѣхъ ихъ крѣпко сплачивала одна задача, которой они были преданы до самопожертвованія, это—задача свободы и соціальнаго обновленія великаго многострадальнаго народа русскаго. Организація лицъ, судившихся по процессу 50-ти, дала исторіи изумительный примѣръ свободнаго и чистаго общенія мужчинъ и женщинъ. «Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, какъ говорится въ обвинительномъ

---

[1]) Съ нѣкоторыми членами (Джабадари и Чекондзе) изъ этого кружка Бардина и ея подруги познакомились еще лѣтомъ 1874 года за границей. Названные кавказцы проживали сперва въ Петербургѣ, потомъ за границей, а въ концѣ 1874 года они также возвратились изъ Цюриха и Парижа опять въ Петербургъ.

[2]) Петръ Алексѣевъ, рабочій С.-Петербургскій, скрываясь отъ преслѣдованій полиціи за распространеніе нелегальной литературы, сбѣжалъ съ фабрики и, вмѣстѣ съ другими товарищами, поселился въ Москвѣ, также въ концѣ 1874 года. Революціонное воспитаніе Петръ Алексѣевъ получилъ въ началѣ 70-ыхъ годовъ въ кружкѣ «Чайковцевъ» подъ руководствомъ Синегуба и С. Перовской. Осужденный по процессу 50-ти на каторгу, онъ въ 1891 году былъ убитъ въ Якутской области съ цѣлью грабежа.

актѣ по дѣлу, въ комнатѣ въ 6 кв. аршинъ жили вмѣстѣ четыре женщины и трое мужчинъ. Всѣ эти лица имѣли видъ простыхъ рабочихъ и старались не выдѣляться отъ остальныхъ рабочихъ; какъ женщины, такъ и мужчины ходили въ русскомъ платьѣ, сами готовили себѣ пищу, носили воду и исполняли всѣ черныя работы»... Такія общины были организованы членами московскаго общества апрѣльскаго провала, кромѣ Иваново-Вознесенска, въ Тулѣ, Одессѣ, Кіевѣ и Орлѣ. Въ Москвѣ же не переставала существовать центральная организація («администрація»), въ которую члены вступали по-очереди и которая доставляла и хранила книги, деньги, адреса, фальшивые паспорта, вела шифрованную корреспонденцію, предупреждала объ опасностяхъ, сообщала объ арестахъ членовъ и поддерживала сношенія съ арестованными.

Приговоръ суда по процессу 50-ти.

Дѣло 50-ти разбиралось въ Сенатѣ съ 21-го февраля п 14 марта 1877 года. 14-го марта состоялся приговоръ суда Одна часть подсудимыхъ была признана виновной «въ со ставленіи въ 1875 году въ Москвѣ противозаконнаго со общества, имѣвшаго своей цѣлью, въ болѣе или менѣе отда ленномъ будущемъ, ниспроверженіе правительства въ госу дарствѣ»; другая—въ принадлежности къ этому сообществу два лица—въ знаніи о существованіи «противозаконнаго со общества» и недонесеніи о томъ правительству. Кромѣ того большинство подсудимыхъ было признано виновнымъ въ рас пространеніи или храненіи нелегальной литературы. Кн А. Циціановъ, защищавшійся и стрѣлявшій при арестѣ, помим другихъ обвиненій, былъ признанъ виновнымъ «въ покушеніи на умышленное убійство, остановленное обстоятельствами, от него независѣвшими»; Вѣра Любатовичъ—виновною «въ со противленіи, сопровождавшемся насиліемъ, распоряженіямъ полицейскаго чиновника при отправленіи должности».

Резолюція суда опредѣляла[1]):

1.—«Кн. Александра Константинова Циціанова (25 лѣтъ) крестьянина Смоленской губ., Сычевскаго уѣзда. д. Новинской, Петра Алексѣева (26 л.), техническаго мастера 1-го разряда, Григорія Александрова Александрова (23 л.), сына штабсъ-капитана, Георгія Феликсова Здановича (20 л.) и сына ст. сов. Владиміра Петрова Александрова (20 л.) лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на каторжныя работы въ крѣпостяхъ: князя Циціанова и Петра Алексѣева—на десять лѣтъ; Григорія Александрова—на десять лѣтъ, Георгія Здановича—на шесть лѣтъ и восемъ мѣсяцевъ, и Владиміра Александрова—на шесть лѣтъ, съ послѣдствіями, въ 25 ст. улож. о наказ. опредѣленными.

2.—Дворянку Софью Илларіонову Бардину (22 л.), дочерей коллежскаго асессора Ольгу Спиридонову (22 л.) и Вѣру Спиридонову (20 л.), Любатовичъ, дворянина Ивана Спиридонова Джабадари (22 л.), дворянина Антимоса Евдова Гамкрелидзе (23 г.), отставного коллежскаго регистратора Степана Марты-

---

[1]) См. Б. Базилевскій „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“, томъ II-ой.

ова Кардашева (25 л.), дворянку Лидію Николаеву Фигнеръ 21 г.), дочь потомственнаго почетнаго гражданина Варвару Иванову Александрову (23 л.), именовавшею себя княгиней Циціановою, дочь коллежскаго секретаря Александру Сергѣеву Хоржевскую (23 л.) и московскаго мѣщанина Семена Иванова Агапова (20 л.) —лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ: Софью Бардину и Ольгу Любатовичъ—на девять лѣтъ, Вѣру Любатовичъ—на шесть лѣтъ, Ивана Джабадари, Антимоза Гамкрелидзе, Степана Кардашева, Лидію Фигнеръ, Варвару Александрову, Александру Хоржевскую—на пять лѣтъ, и Семена Агапова—на три года и четыре мѣсяца, съ послѣдствіями, въ 25 ст. улож. о наказ. опредѣленными.

3.—Дворянина Михаила Николаева Чекондзе (24 л.) и австрійскаго подданнаго Александра Осипова Лукашевича 22 л.)—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

4.—Московскую цеховую Анну Григорьеву Топоркову (21 г.), Козырскую мѣщанку Гесю Миронову Гельфманъ (22 л.)—лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, и заключить въ рабочій домъ: Топоркову—на четыре года, а Гельфманъ—на два года.

5.—Крестьянина Рязанской губ., Пронскаго уѣзда, Ивана Семенова Фетисова (24 л.) и крестьянина Владимірской губ., Суздальскаго уѣзда, села Жадинскаго, Ивана Иванова Едукова 24 л.)—лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдать въ исправительное арестантское отдѣленіе на одинъ годъ и три мѣсяца каждаго.

6.—Сына коллежскаго асессора Ивана Андреева Злобина, 25 л.), дворянина Николая Ѳедорова Цвиленева (23 л.)—сыновей священниковъ: Василія Григорьева Георгіевскаго 25 л.) и Михаила Павлова Овчинникова (25 л.), дочерей штабсъ-капитана Евгенію Дмитріеву (23 л.), Марью Дмитріеву 21 г.) и Надежду Дмитріеву (20 л.) Субботиныхъ, дворянина Мартына Александрова Молодецкаго (23 л.), сына дьякона Алексѣя Иванова Нуромскаго (21 г.), отставного подпоручика Михаила Ѳедорова Воронкова (25 л.) и дочь титулярнаго совѣтника Елену Петрову Медвѣдеву (25 л.)—лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, и сослать на житье: Ивана Злобина, Николая Цвиленева и Евгенію Субботину—въ Иркутскую губернію; Василія Георгіевскаго и Михаила Овчинникова—въ Енисейскую губернію, съ воспрещеніемъ всѣмъ

имъ отлучки изъ назначеннаго мѣста жительства въ продолженіе четырехъ лѣтъ, и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе двѣнадцати лѣтъ; Мартына Молодецкаго и Надежду Субботину—въ Томскую губернію, съ воспрещеніемъ отлучки изъ назначеннаго мѣста жительства, въ продолженіе двухъ лѣтъ, и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири, въ теченіе шести лѣтъ; Алексѣя Нуромскаго—въ Тобольскую губернію, съ воспрещеніемъ отлучки изъ назначеннаго мѣста жительства, въ продолженіе одного года, и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе четырехъ лѣтъ; Михаила Воронкова и Марью Субботину—въ Томскую губ., и Елену Медвѣдеву—въ Тобольскую губернію.

7.—Крестьянина Владимірской губ., Суздальскаго уѣзда, села Жадинскаго, Николая Иванова Едукова (19 л.)—заключить въ рабочій домъ на три мѣсяца.

8.—Дворянина Григорія Петрова Сидорацкаго (менѣе 17 лѣтъ) заключить въ смирительномъ домѣ на шесть недѣль.

9.—Дочь священника Надежду Григорьеву Георгіевскую (19 л.) и жену дворянина Екатерину Борисову Гамкрелидзе (20 л.)—выдержать въ тюрьмѣ, первую—два мѣсяца, а вторую—шесть недѣль.

10.—Тульскаго мѣщанина Ивана Александрова Куракова (36 л.), дочь священника Екатерину Александрову Введенскую—подвергнуть аресту: Куракова—на три недѣли, Введенскую (20 л.)—на двѣ недѣли, и сына священника Александра Егорова Трубецкого (19 л.)—на двѣ недѣли.

11.—Дворянку Варвару Николаеву Батюшкову (25 л.), отставного штабсъ-капитана Льва Андреева Иванова (24 г.), крестьянъ: Николая Васильева (30 л.), Ивана Баринова (31 г.), Пафнутія Николаева (29 л.), Филата Егорова (онъ же Лаврентьевъ) (23 л.), священническаго сына Александра Петрова Бѣляевскаго (20 л.) и солдатскаго сына Василія Ковалева (20 л.)—признать подлежащими лишенію всѣхъ правъ состоянія, и ссылкѣ въ каторжныя работы: Батюшкову на заводахъ на девять лѣтъ; Иванова, Васильева, Баринова, Николаева и Егорова—въ крѣпостяхъ на тотъ же срокъ; Бѣляевскаго и Ковалева—на заводахъ, на три года и четыре мѣсяца. Но, принимая въ уваженіе: во 1-хъ, что участіе подсудимымъ Батюшковой, Иванова и Бѣляевскаго въ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія не имѣло по своимъ по-

слѣдствіямъ того особеннаго значенія, въ какомъ представляется участіе подсудимыхъ, оказывающихся по настоящему дѣлу болѣе виновными дѣятелями; во 2-хъ, что подсудимые Васильевъ, Бариновъ, Николаевъ и Егоровъ (онъ же Лаврентьевъ) являются въ настоящемъ случаѣ участниками въ такомъ преступленіи, важность и значеніе котораго, по принадлежности ихъ къ крестьянскому сословію, не могли быть ими вполнѣ сознаваемы, и потому участіе ихъ въ ономъ представляется послѣдствіемъ вовлеченія ихъ въ преступную дѣятельность другими лицами, стремившимися, для своихъ собственныхъ цѣлей, совращать низшія сословія съ пути закона и вѣрноподданническаго долга, и, въ 3-хъ, что подсудимый Ковалевъ, самъ собою явясь съ повинною, чистосердечнымъ признаніемъ своимъ способствовалъ къ обнаруженію значительнаго числа участниковъ въ преступленіи, составляющемъ предметъ настоящаго дѣла—повергнуть участь поименованныхъ восьмерыхъ подсудимыхъ, на всемилостивѣйшее воззрѣніе государя императора, ходатайствуя предъ его императорскимъ величествомъ, объ освобожденіи ихъ отъ каторжныхъ работъ, съ тѣмъ, чтобы Варвара Батюшкова, Александръ Бѣляевскій, Левъ Ивановъ, Николай Васильевъ, Иванъ Бариновъ, Пафнутій Николаевъ и Филатъ Егоровъ (онъ же Лаврентьевъ) были сосланы на поселеніе въ менѣе отдаленныя мѣста Сибири, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, а Василія Ковалева сослать на житье въ Тобольскую губернію, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

12.—Сына дьячка Ивана Рождественскаго, крестьянина Петра Острова и потомственнаго почетнаго гражданина Григорія Сбромірскаго—оправдать.

13.—Настоящій приговоръ, прежде исполненія его въ отношеніи подсудимыхъ: Джабадари, Чикандзе, Здановича, Кардашева, Бардиной, Фигнеръ, Хоржевской, Ольги и Вѣры Любатовичъ, Владиміра Александрова, Злобина, Воронкова, Молодецкаго, Антимоса Гамкрелидзе, князя Циціанова, Цвиленева, Надежды, Маріи и Евгеніи Субботиныхъ, и Медвѣдевой—представить, на основаніи 945 ст. уст. угол. суд., на высочайшее благоусмотрѣніе, и

14.—Судебныя издержки по сему дѣлу, на основаніи 993 ст.—взыскать съ имущества подсудимыхъ.

По кассаціонной жалобѣ С. И. Бардиной, Л. Н. Фигнеръ,

В. Любатовичъ, В. И. Александровой, Е. Гамкрелидзе, Г. Александрова и др., сенатъ 7-го мая 1877 года пересмотрѣлъ это дѣло и призналъ, что составленіе сообщества съ цѣлью измѣненія существующаго строя въ *болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ* нельзя смѣшивать съ заговоромъ съ цѣлью немедленнаго возстанія или переворота. Поэтому, наказанія нѣкоторымъ изъ подсудимыхъ при пересмотрѣ дѣла были измѣнены: Циціанову вмѣсто 10 лѣтъ каторги, назначено восемъ, Бардиной вмѣсто каторги—ссылка на поселеніе, и проч.[1])

---

[1]) См. В. Бурцевъ. „За сто лѣтъ", ч. II, стр. 90; „Освободительное движеніе при Александрѣ II", стр. 163. (Изд. редакціи „Освобожденія", 1905 г.).

Народныя изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

Заря новой жизни. Сцены изъ войны за освобожденіе негровъ въ Америкѣ. По роману Герштеккера составила **О. Н. Попова** . . . . . 10 коп.

Хижина дяди Тома. По Бичеръ-Стоу сокращенно перевела **О. Н. Попова** . . . . . 25 »

Н. А. Некрасовъ. Жизнь и стихотворенія. Сост. **А. Ф—въ**. . 20 »

СЕРІЯ I.

1. **Л. Толстой.** Кавказскій плѣнникъ . . . . . 7 »
2. **Г. Успенскій.** Неизлѣчимый . . . . . 10 »
3. **Н. Наумовъ.** Умалишенный . . . . . 8 »
4. **А. Пушкинъ.** Братья-разбойники. . . . . 3 »
5. **К. Станюковичъ.** Максимка. . . . . 9 »
6. **Г. Успенскій.** Будка . . . . . 7 »
7. **Ф. Нефедовъ.** Неустрашимый Галлей . . . . . 13 »
8. **Н. Наумовъ.** Фургонщикъ. . . . . 6 »
9. **Немировичъ-Данченко.** Иванъ Бродяга . . . . . 8 »
10. **Лермонтовъ.** Бэла. . . . . 8 »
11. **В. Ольховскій.** Родныя пѣсни. Сборникъ стихотвореній Изд. 2-е. . . . . 10 »
12. **В. Анучинъ.** Сибирскія легенды. (Вѣчный скиталецъ. Такмакъ). 5 »
13. **К. Станюковичъ.** Рождественская ночь . . . . . 4 »
14. **Г. Успенскій.** Про счастливыхъ людей . . . . . 5 »
15. **Н. Пружанскій.** Бѣглый . . . . . 8 »
16. **В. Немировичъ-Данченко.** Наборщица. . . . . 4 »
17. **В. Анучинъ.** Уважили. . . . . 2 »
18. **В. Дмитріева.** Отъ совѣсти. . . . . 9 »
19. **Ф. Нефедовъ.** Безоброчный. . . . . 10 »
20. **А Пушкинъ.** Дубровскій . . . . . 10 »
21. **К. Станюковичъ.** Матросская расправа . . . . . 7 »
22. **Г. Успенскій.** Книжка чековъ . . . . . 6 »
23. **Ф. Нефедовъ.** Лѣшій обошелъ . . . . . 5 »
24. **С. Сергѣевъ-Ценскій.** Убійство . . . . . 2 »

СЕРІЯ II.

25. **Н. Наумовъ.** Нефедовскій починокъ . . . . . 16 »
26. **К. Станюковичъ.** Матроска. . . . . 12 »
27. **П. Засодимскій.** На большой дорогѣ. . . . . 3 »
28. **Ф. Нефедовъ.** Степанъ Дубковъ. . . . . 12 »
29. **Фонъ-Визинъ.** Недоросль. . . . . 10 »
30. **М. Лермонтовъ.** Тамань . . . . . 3 »
31. **Н. Наумовъ.** За правду (Зажора) . . . . . 8 »
32. **Л. Толстой.** Смерть Ивана Ильича. . . . . 8 »
33. **П. Беранже.** Пѣсни. . . . . 8 »
34. **М. Лермонтовъ.** Мцыри. . . . . 4 »

35. **Г. Мопасанъ.** Изъ франко-прусской войны . . . . . 4 коп.
36. **А. Бернштейнъ.** Очерки по міровѣдѣнію . . . . . 10 »
37. **Д. Кайгородовъ.** Кукушка . . . . . 5 »
38. По **Э. Реклю.** Земля и человѣкъ. (Переложеніе) . . . . . 10 »
39. **А. Пушкинъ.** Русланъ и Людмила . . . . . 12 »
40. **М. Лермонтовъ.** Демонъ . . . . . 6 »
41. **В. Брусъ.** Поэты-крестьяне: Суриковъ и Дрожжинъ . . . 12 »
42. **Г. Мопасанъ.** Въ семьѣ . . . . . 4 »

СЕРІЯ III.

43. **Г. Мачтетъ.** Не выдержалъ . . . . . 4 »
44. **И. Потапенко.** Остроумно . . . . . 5 »
45. **Его же.** Ахметка Саратовскій . . . . . 4 »
46. **Б. Ауэрбахъ.** Королевская кормилица . . . . . 40 »
47. **И. Франко.** Къ свѣту . . . . . 5 »
48. **Э. Арнольдъ.** Свѣтило Азіи . . . . . 15 »
49. **А. Скрамъ.** Мужъ и жена . . . . . 12 »
50. **Г. Мопасанъ.** Пышка . . . . . 10 »
51. **Его же.** Потѣхи войны . . . . . 6 »
52. **Гейерстамъ.** Погибшая жизнь . . . . . 20 »

СЕРІЯ IV.

Разсказы о родной странѣ и ея обитателяхъ.

Этнографическіе очерки **Е. Э. Сно.**

53. На русскомъ привольѣ.—Великороссы. Съ рис. . . . . 13 »
54. Въ степяхъ и садахъ Украйны. Малороссы. Съ 1 рис. . . 6 »
55. Въ болотахъ Полѣсья.—Бѣлоруссы. Съ 1 рис. . . . . 5 »
56. На западной окраинѣ.—Поляки и Литовцы. Съ 2 рис. . . 6 »
57. Въ странѣ скалъ и озеръ.—Финны. Съ 2 рис. . . . . 10 »
58. Потомки Золотой Орды. Татары. Съ рис. . . . . 5 »
59. Чудный край и его жители.—Кавказъ. Съ 2 рис. . . . . 13 »
60. У Ледовитаго океана.—Самоѣды. Съ 1 рис. . . . . 5 »
61. За Уральскимъ хребтомъ.—Инородцы Сибири. Съ рис. . . 10 »
62. Среди знойныхъ пустынь и широкихъ степей.—Народы Туркестана. Съ 2 рис. . . . . 10 »

СЕРІЯ V.

Изъ жизни природы и человѣка.

63. **Сабинина, М.** Жизнь растенія . . . . . 20 »
64. **Сабинина, М.** Доисторическій человѣкъ. Съ рисунками . . 15 »
65. **Сабинина, М.** Изъ жизни земли. Съ 64 рис. . . . . 25 »
66. **Пескеръ, Д.** Міръ микробовъ. Съ рисунками . . . . . 5 »
67. **Шмидтъ, П. Ю.** Жизнь въ волнахъ моря . . . . . 6 »
68. **Шмидтъ, П. Ю.** Жизнь въ прѣсныхъ водахъ . . . . . 6 »

Полный каталогъ изданій О. Н. Поповой высылается по требованію безплатно.

Типографія т-ва „Общественная Польза". Б. Подъяч., д. 39.

Вышли изъ печати №№ 1-й—13-й еженедѣльнаго изданія „Темы Жизни“.

СОДЕРЖАНІЕ:

№ 1. **А. Луначарскій.** Очеркъ развитія интернаціонала . . . . 10 к.
В. Тотоміанцъ. Профессіональные союзы рабочихъ . . . 5 к.
А. Ельницкій. Георгій Валентиновичъ Плехановъ. Біограф. очеркъ. . . . . 7 к.
№ 2 **І. Ларскій.** Общество будущаго . . . . . 6 к.
А. Лосицкій. Избирательная система Государственной Думы. Съ діаграммами. . . . . 12 к.
№ 3. **Б Веселовскій.** Земскіе либералы . . . . . 5 к.
Л. Клейнбортъ. Въ тюрьмѣ и ссылкѣ . . . . . 7 к.
Н. Ашешовъ. Александръ Николаевичъ Радищевъ. Общественная характеристика . . . . . 8 к.
№ 4. **Л. Гуревичъ.** 9-е января. По даннымъ „анкетной комиссіи“. 10 к.
П. Румянцевъ. Освободительное движеніе и Государственная Дума . . . . . 6 к.
П. Берлинъ. Первый нѣмецкій парламентъ . . . . . 10 к.
№ 5 **П. Масловъ.** Русская революція и народное хозяйство . . 5 к.
Б. Веселовскій. Крестьянскіе бунты . . . . . 6 к.
М. Боголѣповъ. Война и финансы . . . . . 5 к.
№ 6. **Д. Зайцевъ.** Государственное страхованіе рабочихъ . . . 8 к.
Б. Вологдинъ. Чему жизнь рабочихъ учитъ . . . . . 6 к.
А. Ельницкій. Первое мая въ Россіи . . . . . 8 к.
№ 7. **В. Львовъ.** Девяностые годы и творчество В. Вересаева. 12 к.
І. Давыдовъ. Какъ расходуются народныя деньги . . . 5 к.
К. Пономаревъ. Пролетаріатъ на Кавказѣ . . . . . 7 к.
№ 8. **П. Румянцевъ.** Крестьянство и соціалъ-демократія . . . 5 к.
А. Глѣбовъ Общественныя работы . . . . . 12 к.
№ 9. **А. Ельницкій.** Первые шаги рабочаго движенія въ Россіи . 12 к.
№ 10. **М. Боголѣповъ.** 9 милліардовъ рублей. Русскій государственный долгъ . . . . . 5 к.
№ 11. **Н. Коробка.** Свобода совѣсти . . . . . 5 к.
№ 12—13. **А. Ульяновскій.** Женщины въ процессѣ 50-ти . . . 15 к.

бр 25

Цѣна 15 коп.

Подписная цѣна на ежен. изд. „Темы Жизни“ въ годъ 5 рублей, на полгода 3 рубля. Каждый выпускъ продается отдѣльно.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 54. Книгоиздательство О. Н. Поповой.

Редакторъ Л. Клейнбортъ.
Издательница О. Н. Попова.

Типографія т-ва „Обществ. Польза“, Б. Подъяч., 39.